

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

АЛЕКСАНДР
МЕЖИРОВ

ТЫСЯЧА
МЕЛОЧЕЙ





БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ • РОССИЯ •



АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

ТЫСЯЧА МЕЛОЧЕЙ

ЛИРИКА



Москва · 1984

P2
M43

Межиров А. П.

M43 Тысяча мелочей: Лирика.— М.: Современник, 1984.— 399 с.; ил.— (Б-ка поэзии «Россия»).

В пер.: 1 р. 60 к.

В книгу известного русского советского поэта включены лучшие лирические произведения из ранее изданных сборников стихов.

M $\frac{470210200-331}{M106(03)-84}$ 206—84

ББК84Р7
Р2

*В этой книге моей
Что-то сооружено
Из 1000 мелочей...
А что?.. Не все ли равно...*

*Может ли что верней
Служить, чтобы мир сложить,
Чем тысяча мелочей,
Повелевающих жить?..*

1978

1. НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ



* * *

Весь вечер из окна — до, ре,
Ми, фа, соль, ля, си, до —
и туго

На синтетическом шнуре
Полуоткрытая фрамуга.

Весь вечер из окошка — до,
Ре, ми, фа, соль, ля, си,—
и снова

Тысячекратно — от и до —
Вся гамма бытия земного.

О, покамест дождь не перестал,
Ров смертельный между нами вырой,
Воплощая женский идеал,
Добивайся, вей, импровизируй.

Ливень льет.
Мы вышли на балкон.
Вымокли до нитки и уснули.
Юные. В неведение благом.
В сорок пятом... Господи... В июле.

И все лето длится этот сон,
Этот сон, не отягченный снами.
Грозное небо
Колесом
Поворачивается
Над нами.

Молнии как спицы в колесе,
Пар клубится по наружным стенам.
Черное Калужское шоссе
Раскрутилось по свистом ременным.

Даже только тем, что ты спала
На балконе в это лето зноя,
Наша жизнь оправдана сполна
И существование земное.

Ливень лил все лето.
Надо мной
Шевелился прах грозы летучей.
А война закончилась весной,—
Я остался жить на всякий случай.

* * *

Все разошлись и вновь пришли,
Опять уйдут, займутся делом.
А я ото всего вдали,
С тобою в доме опустелом.

Событья прожитого дня,
И очереди у киоска,
И вести траурной полоска —
Не существуют для меня.

А я не знаю ничего,
И ничего не понимаю,
И только губы прижимаю
К подолу платья твоего.

БРАСЛЕТ

Затейливой резьбы
 беззвучные глаголы,
Зовущие назад
 к покою и добру,—
Потомственный браслет,
 старинный и тяжелый,
Зеленый скарабей
 ползет по серебру.

Лей слезы, лей...
 Но ото всех на свете
Обид и бед земных
 и ото всех скорбей —
Зеленый скарабей
 в потомственном браслете,
Зеленый скарабей,
 зеленый скарабей.

* * *

Просыпаюсь и курю...
Засыпаю и в тревожном
Сне
 о подлинном и ложном
С командиром говорю.

Подлинное — это дот
За березами, вон тот.
Дот как дот, одна из точек,
В нем заляжет на всю ночь
Одиночка пулеметчик,
Чтобы нам ползти помочь.

Подлинное — непреложно:
Дот огнем прикроет нас.
Ну, а ложное — приказ..
Потому что все в нем ложно,
Потому что невозможно
По нейтральной проползти.
Впрочем... если бы... саперы...
Но приказ — приказ, и споры
Не положено вести.

Жизнью шутит он моею,
И, у жизни на краю,
Обсуждать приказ не смею,
Просыпаюсь и курю...

ГУАШЬ

По лестнице, которую однажды
Нарисовала ты, взойдет не каждый
На галерею длинную. Взойду
Как раз перед зимой, на холоду,
На галерею, по твоим ступеням,
Которые однажды на листе
Ты написала вечером осенним
Как раз перед зимой ступени те
Гуашью смуглой и крутым зигзагом.
По лестнице почти что винтовой,
По легкой, поднимусь тяжелым шагом
На галерею, в дом открытый твой.
Меня с ума твоя зима сводила
И смуглая гуашь, ступеней взмах
На галерею, и слепая сила
В потемках зимних и вполупотьмах.

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЕННОМ ИМЕНИ

От зеленого поля села
До зеленого поля стола,
По которому крутится-вертится шар заказной
В знаменитой пивной,
В «Метрополе»,
Деревенского парня судьба довела,
Как тогда говорили, по божеской воле.
Вскоре сделался он игроком настоящим. А это
Многokrратно усиленный образ поэта,
Потому что великий игрок
Это вовсе не тот, кто умеет шары заколачивать в лузы,
А мудрец и провидец, почти что пророк,
С ним, во время удара, беседуют музы.
Как поэт, он обидой ничтожной раним,
Как игрок, ненадежной удачей храним,
Потому что всегда Серафим
Шестикрылый свои простирает крыла
И над ним,
И над полем зеленым стола,
По которому крутится-вертится тот партионный
Или этот, поменьше, в котором «своя»,
Кариолисовы утверждая законы,
Куш, деленный на доли, кому-то суля.
В святцах смысла особого не разумея,
В честь Есенина перекрестили Егора в Сергея
Игроки игрока. И в назначенный срок
Первородное имя к нему возвратилось. Игрок
Кий сменил на пророческий посох
И творит не на аспиде шульцовских досок,
А на белых страницах — проводки рифмованных строк.

Что прославить ему суждено,
Поле сельское, или сукно,
По которому...
Впрочем, не все ли равно.
У поэзии нет преимущества перед игрой —
Вечный бой — лишь бы только остаться собой.

Ни к тому и ни к этому лиру его не ревную,—
Все присущее миру в гармонию входит земную.

КУРСКАЯ ДУГА

Мать о сыне, который на Курской дуге, в наступленье
Будет брошен в прорыв, под гранату и под пулемет,
Долго молится, перед иконами став на колени, --
Мальчик выживет, жизнь проживет и умрет.
Но о том, что когда-нибудь все-таки это случится,
Уповающей матери знать в этот час не дано,
И сурово глядят на нее из окладов спокойные лица,
И неведенье это бессмертью почти что равно.

ЛЕСТНИЦА

Она прошла по лестнице крутой
С таким запасом сил неистощимых,
Что было все вокруг нее тщетой,—
И только ног высоких легкий вымах.

Она прошла, когда была жара,
С таким запасом сил, которых нету
У силы расщепленного ядра,
Испепелить готового планету.

Она прошла с таким запасом сил,
Таща ребенка через три ступени,
Что стало ясно — мир, который был,
Пребудет вечно, в славе и цветенье.

* * *

Два профсоюза рикш борьбу ведут
За центр Калькутты. Потому что труд
Полгорсти риса все-таки приносит.
Холера косит, ветер оспу носит,
И прокаженный милостыню просит,—
Два профсоюзных рупора орут.
Полгорсти риса — высшая награда,
По зернышку позорный этот счет.
Но, может быть, другого и не надо,—
Другое на несчастье обречет.
И велорикшам не уйти с окраин,
И не наметить конъюнктурный сдвиг,
И в центре до сих пор еще хозяин
Тот из двоих, кто на своих двоих.

АФРИКАНСКИЙ РОМАНС

Над Ливийской пустыней
Грохот авиалиний,
По одной из которых
Летит в облаках
Подмосковное диво,
Озираясь пугливо,
С темнокожим ребенком
На прекрасных руках.

В нигерийском заливе
Нет семейства счастливей,
Потому что — все случай
И немножко судьба.
Лагос — город открытый,
Там лютуют бандиты,
В малярийной лагуне
Раздается пальба.

Англичане убрались,—
Вот последний анализ
Обстановки, в которой
Все случается тут:
Эти нефть добывают,
Ну а те убивают
Тех, кто нефть добывает,—
Так они и живут.

Нефтяные магнаты
Те куда как богаты,
Ну а кто не сподоблен,
У того пистолет.

Жизнь проста и беспечна,
Нефть, конечно, не вечна,
И запасов осталось
Лишь на несколько лет.

Как зеваешь ты сладко.
Скоро Лагос. Посадка.
На посадочном поле
Все огни зажжены.
За таможенной залой
Нигериец усталый,
Славный, в сущности, малый,
Рейс кляня запоздалый,
Ждет прибытья жены.

Родилась на востоке,
Чтобы в Лагос далекий
С темнокожим ребенком
Улететь навсегда.
Над Ливийской пустыней
Много авиалиний,
Воздух черный и синий,
Голубая звезда.

ВОСПОМИНАНИЕ О ФЛОРЕНЦИИ

Тень Данта с профилем орлиным
О Новой жизни мне поет.

А. Блок

1

В Прекрасную Овчарню, где когда-то
Ягненком спал,— в Овчарню, где ягнята
Когда-то спали,— выспались давно,—
В Прекрасную Овчарню не дано
Вернуться из отлучки. И не надо.
Заложник флорентийского разлада
Случайно отлучился навсегда.
Передавать со Страшного Суда
Свои корреспонденции. Из ада
Горящие терцины исторгать,
И серой пахнуть, и людей пугать.

По цеховой, по круговой поруке,
Вины, которых не было, в зачет
Поставил ты поэту, и в разлуке
Из низости твоей он извлечет
Высокие и трепетные звуки.

И поводырь по инобытию,
У входа в рай, как бы сменив обличье,
Уступит роль высокую свою
И перевоплотится в Беатриче.

2

И еще об отлучке того флорентийца во славе и силе
Из Прекрасной Овчарни, в которой о госпoде люди
забыли,
Жен едва постаревших оставили и загубили,

Ибо в скорости умерли те в одиночестве или
За оградой кладбищенской спят в отчужденной
могиле,

Вместо рая мужьями из ада отправлены в ад.
Ну а эти мужья, эти люди из праха и пыли,
Эти судьи сперва обличали его,
А потом и совсем отлучили
И анафеме предали, зная, что не виноват.

3

И частый зуммер, и гудки короткие,
И мука неизбывная моя,
Когда решали покарать на сходке,
Когда решали порешить меня,
Когда на сходке пили и закусывали,
И говорили по-латыни, и
По-итальянски, вовсе не зулусы,
А флорентийцы — палачи мои.
И мука неизбывна — не в палачестве,
Не в том, что отправляли прямо в ад,
Не в страхе, и не ужасе, тем паче.—
А в том, что знали — что не виноват.

ДНЕВАЛЬНЫЙ

Никакой не любовник,
Уличенный тобой,
А удобный виновник
Для расправы любой...

1982

Три помкомвзвода командуют
на оборонном участке.
Те, что на флангах,
у них несомненно
какой-то
талант.
А впрочем, все в обороне
постреливают
для остротки,
И соседями слева и справа
восхищаешься ты, лейтенант.
Ты сперва повторял
их излюбленные слова,
(«Стойте справа! Проходите слева!! Ать-два!! Ать-два!!»)
Чужим словам
восторженно подражая,
И жизнь у тебя
спокойной была сперва,
Потому что была она не совсем чужая,
Потому что чужими были
только чужие слова.
Но этого мало тебе показалось, б р а т,
На участке растянутом,
недостаточно плотном
и слишком хрупком.
Чтоб сравняться с теми,
кто справа и слева стоят,
Надо было
не только чужим словам подражать,
но и чужим поступкам.

Надо было решиться —
ступить на чужие стези
Тех, кто, командуя флангами,
жил в блиндажах,
вблизи.

И не обладая
философическим легкомыслием
соседа, живущего справа,
Ты пошел по его стопам, по его стопам,
В том, что творишь,
разбираясь довольно слабо
И опрокинув для храбрости
не один стакан.

Не обладая особенностями
соседа, живущего слева,—
Надмирным холодом артистизма,
жестокостью и простотой,
Ты по его следам
пошел, озираясь слепо,
Сразу стараясь вышагивать
по этой стезе и по той.
Сперва суета и заботы
тебя от себя отвлекали,
Но вскоре возникла
неуверенность
в завтрашнем дне,
И страх и тревога,
и туманы несветлой печали,
В блиндажах
и в глубоких траншеях
на самом дне.

Ты шел по чужим стезям,
повторя
чужие
песни,
По-армейски,
слегка грубовато,
с товарищами шутя.
Но тревога и страх
возбуждали в тебе
не чужие болезни,
А свои,
и от этих болезней
не стало житья.

Конечно,
взять языка —
это честь и слава,
Хотя в обороне
задача эта
особенно нелегка.
Но подражая
соседям, стоящим слева и справа,
Ты храбро в тыл отправляешься
на поиски языка.

Вот связал, оглушенного,
до чего же тяжел, постылый.
Вот сидишь растерянно,
парабеллум трофейный держа,
И размышляешь, прикидываешь:
ну, а хватит ли силы,
Чтоб дотащить
проклятого,
взятого,
до ближайшего блиндажа...

Как же,
мыслишь,
из положения этого
выйду?
Почему соседям слева и справа
всегда фартит?
И обязательно надо
на ком-то сорвать обиду,
И не только обиду,
а что-то похожее на аппетит.
Ты ведь тоже в душе
оригинал и большой эстетик,
И сочиняешь окопные песенки,
и немножечко лицедей.
И в то же время
ближайший друг
полковых знаменитостей этих,
Есть такая порода людей —
друзья знаменитых людей.

Почему же соседям
сопутствует всюду удача,
Почему не друзьям знаменитостей,
почему, например, не тебе?..
И опять ни с чем,
задыхаясь,
почти что плача,
Возвращаешься ты
по тропе притаенной
на свой
боевой
КП.

Как вдруг
тебе на глаза
попадаетя
начхим-бедолага,

И ты внушаешь себе,
 что именно он
 во всем виноват,
И надо его,
 для своего
 и для всеобщего блага,
Отправить в штрафбат
 и посредством штрафбата
 в ад.

В общем, сдать его, так сказать,
 в обезличку,
Ибо он виноват
 и к тому же еще без вины.
В сущности,
 он не начхит,
 но такую забавную кличку
Ты дал ему
 еще в самом начале войны.

Бедолага этот
 крутит ручку своей шарманки
И собирается в будущем,
 если оно
 суждено,
Сыграть кого-нибудь
 вроде Гамлета на Таганке
 или исполнить фон Штирлица
 в многосерийном кино.

Чтоб расправа
 была коллективной,
 ты единомыслия просишь

У соседей слева и справа
 (быть может, поможет сосед),
А на самом-то деле
 ты в жертву начхима приносишь
Самой страшной догадке своей,
 от которой спасения нет.

Самой страшной догадке о том,
 что ты
 не своим
 занимаешься делом

И что не пехотинец,
 по призыванию армейскому,
 ты никакой.

Но легче на сердце,
 когда хоть начхим под прицелом,

И не дрожит парабеллум
 трофейный,
 не чей-то,
 а твой.

На войне,
 сами знаете,
 существуют свои законы.

Но себя самого
 невозможно ничем обмануть,

И душа твоя чует, что приговоренный
Непричастен
 к тревогам и бедам
 твоим
 ничуть.

А солнце,
 как в песне,
 всходит,
 и так же, как в песне,
 заходит,

И молчат на нейтральной за бруствером
северо-западные снега.

И только один дневальный
о том, что здесь происходит,

Догадывается, поскольку
зимняя ночь долга.

ЧАСТЫЙ ЗУММЕР

Лежишь во гробе, празднуешь субботу...

Григорий Сковорода

Суббота. Банный день.
И мы ползем туда,
Где ожидают нас
Мочалка и вода.
Где в санпропускнике
От вшей избавят нас
В блаженный этот день,
В блаженный этот час.

В блаженный этот час,
В блаженный этот день
Мы головы свои
Не слишком прячем в тень.
Таиться не резон,
Поскольку этот лог
Еще ни разу враг
Накрыть огнем не смог.

Прекрасен этот мир.
Ползем по рубежу.
Я, взводный командир,
За всех ответ держу.

Как вдруг из-под земли
Ударил по земле
Незасеченный дзот,—
И страшно стало мне,
Что нам не уползти
От этого огня,
А коль останусь цел,—
Тогда в штрафбат меня.

И вот уж медсестра
Ползет за нами вслед.
Кто ранен, кто убит,
Непострадавших нет.
Недвижно тяжелы,
Не взвалишь на плечо.
А зуммер в блиндаже
Не зачастил еще.

А медсестра больна,
И ей так мало лет,—
Не справится одна —
Одной держать ответ.

.....
Палаческий звонок
Того, кто в курсе дел,
Кто знал: никто не мог
Предотвратить обстрел.

* * *

За то, что мной (наперекор природе)
Он сделаться возжаждал, но не смог
(Хотя вначале получалось вроде),
Мне жить всю жизнь взаймы и под залог.

Зачем ему природа помещала
И перевоплотиться не дала?!
Он повторял мои слова сначала,
Потом мои поступки и дела.

И вот за то, что перевоплотиться
Так и не смог, потратив столько сил,
Не хватит жизни мне, чтоб расплатиться
За то, что он однажды натворил.

КОРОТКИЕ ГУДКИ

«Вы не мучайтесь...»

Е. Х.

Мы уже распрощались на лето, которое нам предстояло,
Но за миг до того, как обычный прервать разговор,
На рычаг положить телефонную трубку устало,
Он сказал то, чего позабыть не могу до сих пор.

Разговор был обычным, о том, и о сем, и о лете,
И закончился полностью, мы попрощались. Как вдруг
Он сказал то, чего и не думал сказать — и на свете
Неожиданно все изменилось вокруг.
Он сказал торопливо слова милосердные эти
И гудками короткими выдал невольный испуг.

* * *

И в жизни и в письмах — роман,
Уже недалеко до брака,—
И все же какой-то изъян,
Какая-то порча, однако.

Хлопочет рачительный сват,
И свадьба как будто бы близко,—
А в жизни и в письмах скрипят
Кооператив и прописка.

* * *

Он, казалось, разлуку, насколько возможно, отсрочил,
И свиданье, казалось, до крайнего срока продлил.
А в натуре — лишь голову ей просто так заморочил,
Начал вдруг раздражать, а потом и совсем разозлил.

Что же это? Является как по часам. И похоже,
Ежедневные эти визиты намерен продолжить и впредь,
Чтоб затем грязным снегом поспешно истаять в прихожей,
Выбить половики и мастикой паркет
 возле двери кой-как затереть.

ПОЖИЛОЙ ПОЭТ

Все так и есть: мне много лет без мала...
Без мала много. Пожилой... Так что ж...
Мой друг, ты очень правильно сказала,—
Ты далеко, действительно, пойдешь.

Дай бог тебе, чтобы твоя дорога
Была в пыланье трав, а не в дыму.
А мне, мой друг, осталось так немного,
Что и дорога даже ни к чему.

А мне, мой друг, дороги в мире этом
Нет и не будет, разве только в ад,—
Тем более, что не был ни поэтом,
Ни в том, что пожилой, не виноват.

* * *

Начала — и с самого начала
То, что ты сказала — ты сказала
Правильно до самого конца.
Впрочем, только правильно. Не боле.
Ибо говорила мимо боли,
Сказанной от первого лица,
Высказанной в 60 без мала
И в итоге жизни прожитой.
Ну а то, что ты ему сказала,
Ты сказала мимо жизни той.
В ссоре с кем-то начала, и вскоре,
Чтоб начала и концы свести,
На прощанье ты сказала: sorry,
Вместо неуместного — прости.

* * *

Чьим попеченьем долго жив,
Кто в долгий путь призвал,—
Талантами не наделив,
Призванье даровал.

Кто разорился — подарить
Блаженный сей недуг.
Кого и как благодарить
За то, что нищ мой дух.

ЗИМА

...из равновесья диких сил...

Е. Баратынский

Он завтракает в пять стаканом чая
И дремлет в зимней темноте, читая
Без пропусков, но и без увлечения,
При свете, недостаточном для чтенья.

Зима. И, если погасить печник,
Снег, бьющий в стекла, осветит полнее
Предел огромной комнаты в траншее
Арбата и незастекленных книг.

А за окошком города и веси
Теперь уже в последнем равновесье
Недких сил. И лютый приступ голода
Блокированного, больного города
На берегу. И лютая тоска
По той войне. И зимняя Москва.

Поют в его дому сверчки запечные,
Что суждено ему на веки вечные
К несчастью — завлитчастью... Ну и что ж...
Быть может, номера у нас и ложные,
Но все же мы работаем без лонжи, —
Упал — пропал, костей не соберешь.

Так размышляет он. И тем не менее —
Сомнительное самоутешение.

* * *

Вспышкой памяти мгновенной
Повторил случайно ты
Вдоль полуторки военной
Указатель — Решеты.

Никакой на свете силой
Не переломить судьбы —
Решеты на речке Синей,
Деревушка — три избы.

За рекой спасенья нету,
Нет спасенья никому.
Там земля навстречу небу
Поднимается в дыму.

Холодна, как в иордани,
Эта синяя вода.
Запоздалое прощанье
Перед встречей навсегда.



Леле

Как благородна седина
В твоей прическе безыскусной,
И все-таки меня она
На лад настраивает грустный.

Откуда этот грустный лад?
Оттуда все же, думать надо,
Что я премного виноват
Перед тобой, моя отрада.

В дремотной темноте ночной
Мне слабо видится сквозь что-то,
Как ты склонилась надо мной,
Обуреваема заботой.

Как охраняешь мой покой,
Мой отдых над отверстой бездной.
Бог наградил меня тобой,
Как говорится, безвозмездно.

За мой земной неправый путь
Судья Всевышний надо мною
Отсрочил Страшный Суд чуть-чуть
Во имя твоего покоя.

ПРОЩАНИЕ С ЮШИНЫМ

Веют страхи, веют страхи
Над твоею головой...

Как обстоят дела с семьей и с домом?..

Жизнь зиждилась на мяснике знакомом,
На Юшине, который был поэт,
Идиллий выразитель деревенских
И вырезатель мяса для котлет,—
Предмета вечных вождедений женских.

Он был из обездоленных. Но это
Врагом земли не сделало поэта,—
Имея в Подмосковье огород,
Выращивал приятные закуски,
Чтоб все-таки закусывал народ,
Уж если стаканáми пьет, по-русски.

Он сочинял стихи, точнее, песенки,
В них вкладывая опыт свой и пыл,—
Прямые строчки, безо всякой лесенки,—
Но очень Маяковского любил.

Пока из мяса жарились котлеты,
Он сочинял припевы и куплеты,
В них вкладывая пыл и опыт свой,—
Как по деревне, в шелковой рубаше,
Гуляет парень и как веют страхи
Над девушкиной бедной головой.

Питая до отмеренного часа
И вечный дух и временную плоть,
Промеж Парнаса и парного мяса
Он перепутье смог перебороть.

И песенки его поет поныне,
В голубовато-белом палантине,
Своим прекрасным голосом, навзрыд,
Одна из карамзинских Аонид.

Как обстоят дела с семьей и с домом?

Мороженое мясо в горле комом.
Жизнь жидилась на том, что был знаком
Через чужих знакомых с мясником,
Который был поэт... Не отпевали...
И неизвестно, кто похоронил,
Кто мертвые глаза ему закрыл.

Обедаю теперь в «Национале»,
В тени лиловой врубелевских крыл
(Конечно, это выдумка, не боле,—
Тем более они на «Метрополе»,
Да и не крылья, да и цвет иной,
Да и не все ль равно, в какой пивной).

Бушуют калориферы при входе
В «Националь». Не слишком людно вроде.
Но нет местов. Свободных нету мест,
Пока обеда своего не съест
Симпозиум, конгресс и прочий съезд.

Доел. И наступила пересменка
Вкушающих посменно от щедрот,
Над новыми клиентами плывет
Шумок несуществующего сленга.

Кейфующая неомолодежь,—
Коллеги, второгодники-плейбои,
В джинсовое одеты, в голубое,
Хотя повырастали из одеж
Над пропастью во ржи (при чем тут рожь)...

Они сидят расслабленно-сутуло,
У каждого под задницей два стула,
Два стула, различимые легко:
Один — купеческое рококо,
Другой — модерн, вертящееся что-то
Над пропастью во ржи (при чем тут рожь),—
И все же эта пропасть — пропасть все ж,
Засасывающая, как болото.
И все они сидят — родные сплошь
И в то же время — целиком чужие.

Я понимаю это не впервые
И шарю взглядом. Рядом, через стол,
Турист немецкий «битте» произносит
И по-немецки рюмку шнапса просит.
Он хмур и стар. И взгляд его тяжел.
И шрам глубокий на лице помятом.
Ну да, конечно, он ведь был солдатом
И мог меня, голодного, убить
Под Ленинградом.
И опять мы рядом —
За что, скажите, мне его любить.

Мы долго так друг друга убивали,
Что я невольно ощущаю вдруг,
Что этот немец в этой людной зале
Едва ли не единственный, едва ли
Не самый близкий из всех вокруг.

Перегорело все и перетлело,
И потому совсем не в этом дело,
Как близок он — как враг или как друг.

Ну а тебе да будет пухом, Юшин,
Твоя земля. Вовек не бысть разрушен
Храм духа твоего. Душа поет!
И, пребывая в безымянной славе,
Ты до сих пор звучишь по всей державе,
Не предъявляя за котлеты счет.

ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

И не встать под огнем...

1946

На протяжении многих лет и зим
Менялся интерес к стихам моим.
То возникал, то вовсе истощался —
Читатель уходил и возвращался.

Был многократно похоронен я,
Высвобождался из небытия,
Мотоциклист на цирковой арене,
У публики случайной на виду.

Когда же окончательно уйду,
Останется одно стихотворенье.

* * *

Со школьной, так сказать, скамьи,
Из, в общем, неплохой семьи
Я легкомысленно попал
В гостиничный полуподвал.

Там по сукну катился шар,
И все удар один решал,
Маркёр «Герцеговину Флор»
Курил и счет провозглашал.

Перед войной, передо мной,
Величественен и суров,
В перчатке белой, нитяной
Для протирания шаров.

Бомбоубежищем не стал
Гостиничный полуподвал.
Но в зале сделалось темно,
И на зеленое сукно,
На аспид фрейберовских плит
Какой-то черный снег летит.

* * *

Умру — придут и разберут
Бильярдный этот стол,
В который вложен весь мой труд,
Который был тяжел.

В нем все мое заключено,
Весь ад моей тоски:
Шесть луз, резина и сукно,
Три аспидных доски.

На нем играли мастера
Митасов и Ашот,
Эмиль закручивал шара,
Который не идет.

Был этот стол и плох и мал,
Название одно,
Но дух Березина слетал
На старое сукно.

ИГРОК

В одиннадцать встает,
Магнитофон включает,
И черный кофе пьет,
И курит, и скучает.

И слушает ансамбль,
Какой-то слишком старый,
И думает:

«Ослаб,

Совсем не те удары.

Винты совсем не те,
Усталым стал и грузным,
Как будто в темноте
Шар на столе безлузном.

Как будто так легко
От двух бортов по фишкам,
А я то широко
Беру, то узко слишком.

Хозяин отошел,
На темный лес поставил
И нас на произвол
Судьбы пустых оставил.

Наглеют фраера,
Не залетают лохи,
Кончается игра,—
Дела не так уж плохи.



За эту зиму я
Игру сыграл такую,
Что Книгой Бытия
Отныне не рискую.

Игра игрой. Черт с ней.
Я уловил случайно,
Что игры пострашней
Всегда вершились тайно.

И что бильярдный стол
Тому, кто ненароком
Об Иове прочел
В раздумье одиноком».

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Я тебе рассказывать не буду,
Почему в иные времена
Мыл на кухне разную посуду,
Но и ты не спросишь у меня.
Разную посуду мылом, содой,
Грязную до блеска, до светла,
В пятый раз, в десятый раз и в сотый,—
А вода текла, текла, текла.
У других была судьба другая
И другие взгляды на войну,
Никого за это не ругая,
Лишь себя виню, виню, виню.

2

На воде из общего колодца
И на молоке из-под козы
Мы варили кашу, как ведется,—
Все другое — если бы кабы.
Мы варили так, а не иначе,
Нечего над кашей слезы лить,—
Каша перестанет быть горячей,
Перестанет каша кашей быть.
Если вы заботитесь о соли,
Здесь и так немалый пересол.
Так что, mille pardon u veгу sogгу,
Плачьте сами, ну а я пошел.

* * *

Нету ничего святей
Этой красоты нездешней,
Нету ничего безгрешней
Этих изменных страстей.

Я приехал из России
И в пыли буддийских плит
Опалил ступни босые, —
К ночи не остыл гранит
В храмах. А на Lady street
Взгляды черные, косые,
И облаивает вас
Мой «фиат» по кличке ВАЗ
И заглядывает в лица.
Знаю, подло честным быть.
Только как тебя избыть,
Как забыть и как забыться,
Lady street — сырой огонь,
Изо всех глядит окон
Непорочная блудница.

* * *

Говорит себе: — Ну ладно,
Что ж, Луанда так Луанда,
Там красиво и тепло,
Шесть недель, куда ни шло.
Рев утробный самолета.
А вернется — вспомнит что-то:
Что же
Все же
Привлекло...

Разве только — что на рейде
Зажигаются огни, —
Раньше времени, поверьте,
Зажигаются они.
Габарит рыболовецких
Иностранных и советских
И торговых кораблей,
Обозначенный на рейде
Раньше времени, поверьте,
(Но от этого светлей)
Желтым,
Синим
И зеленым
Между вечером и днем
Преждевременно зажженным
Преждевременным огнем.

Не напрасно выли мили
И мелькали города.
Ничего прекрасней в мире,
Ничего опасней в мире
Не увидит
Никогда.

KALI TEMPLE

В храме Калькутты возник из-за дыма густого
Опытный нищий (в обличье — намек на святого).

Он мне кивает, как будто бы Ведам внимая,
Переживает — и связь между нами прямая.

Опытный нищий, мы братья родные по духу
И по снедающему нас обоих недугу.

В эти минуты мы оба почти что святые,
Я — из Калькутты, а ты — из Москвы, из России.

В рубище нищем насущным живем,
настоящим,—
Оба мы ищем, играем, сгораем, обрящем.

ОСТРОВ ЦЛУН-ЧАН

Этот остров Цлун-Чан — случайный транзит,
Потому что Калькуттский аэропорт
В связи с нелетной погодой закрыт
И желтым туманом к земле притерт.

Этот старый отель дело свое
Делать привык в темноте.
Эти девки внизу способны на все,
И на все способен портье.

РАЗЛУКА

В узкие окна, отвесно и прямо,
Падает солнце в морозной пыли.
Пыльное солнце высокого храма...
Господи! Душу мою исцели.

Мы расстаемся. Но я не заплачу.
Над перелесками свищет зима.
Завтра покинет казенную дачу
Хмурый хозяин, Гордеев Фома.

Свищет зима над покинутым домом,
В бочке застыла гнилая вода.
Волжский купец с декадентским надломом,
Мы расстаемся. Прощай навсегда.

* * *

Каждый раз
 этот город
 я вижу как будто впервые,
Где по улице главной
 так неторопливо
 идут,
Жестикулируя шибче
 и выразительней,
 чем глухонемые,
Люди с древними лицами,
 вечно,
 бесконечно
 живущие тут.

ПРИЗВАНЬЕ

Почти весь день в его прекрасном доме,
Под сенью книг, знакомых лишь едва,
Провел, проговорил, не экономя
Чужие мысли и свои слова.

И мимоходом размышлял при этом,
Что, даже наплевав на все дела,
Усильем воли сделаться поэтом
Нельзя, какой бы воля ни была.

Но можно рыть колодец свой постылый,
Не покидая стылую подклеть,—
И докопаться если не до жилы,
То заповедным кладом овладеть.

Он сотни лет лежал в земных глубинах,
На сто голов положен воробьиных,
Чтобы никто не разгадал зарока
До срока заповедного... До срока.

* * *

Ко второй половине дороги земной
Не готовился я. Стихотворцу убогому,
Заклейменному сызмала страстью одной,
Не пристало готовиться к слишком уж
многому.

Половина вторая почти что ушла
На усмешку, на, в общем, смешные дела.

Пройден путь неожиданно. Краткий и длинный.
Что припомнить из первой его половины?

Всевозможные пятна и радуги. Но
Вспоминается внятно всего лишь одно:
Был когда-то и я от людей независим,
Никому не писал поздравительных писем.

БЕЛАЯ СОБАКА

Был снегопад восемь дней,
 А потом и мороз наморозил.
Не разметешь, не протопчешь,
 до соседней избы
 не дойдешь.
Здесь не поможет ничем
 не то что лопата —
 бульдозер.
Весь Первояну-поселок
 заставлен сугробами сплошь.

Разум и нищий инстинкт
 пребывают извечно бок о бок,
И неизвестно чему
 эта бездомная, слабая,
 тощая белая сука верна.
Ради того, чтобы жить,
 от избы и к избе
 в небывалых сугробах,
В непроходимых снегах
 протоптала
 тропинку
 она.

ПОСЛЕДНИЙ ЛЫЖНИК

Поднималась неисчислима,
Как на зов боевой трубы,
Половина Третьего Рима
В полночь, в пятницу, по грибы.

Только все это не охота,
Не рыбалка и не лыжня,
Не грибы, а другое что-то,
Вроде знаменья — знамя дня.

Что-то вроде религий новых,
Что возникли на пару лет
Без основ и на тех основах,
У которых основы нет.

Из почтовых ящиков лезли
Академики на ледник,
Не сиделось в казенном кресле
Грибникам, браконьерам, если
Сын Гермеса вселялся в них.

На природу людей манило,
Прямо в лоно вела стезя,
Но нисколько не заменило
То, чего заменить нельзя.

Снова спрятались горожане
В распрекрасных своих домах,—
Там, где «007» на экране,
Выполняющие задание,
Полыхают в полупотьмах.

А в лесу, на лыжне проложенной
Частью воинской, в поворот
Лыжник старенький осторожно
Косным шагом войдет вот-вот.

Самый лишний из самых лишних,
На лыжне вполне призовой,
На солдатской, последний лыжник
Крестный путь завершает свой.

И в предмартовский день мороза,
В благодатные минус три,
Он сморкается. Кровь склероза
На лыжню летит из ноздри.

* * *

С пятницы свадьбы.
И на радиаторах куклы распяты.
Возникновенье семей —
и в зачатке распада.

В лестничных клетках,
предчувствуя гибель заранее,
Блеют бараны.
Закланщик готовит закланье.

Улицы нежной
почти что отвесный пролет.
Ах, не газуйте.
Сегодня такой гололед!

Дом ЖСК недостроенный.
Стены пока что в лесах.
Судьбы влюбленных
качаются, как на весах.
Счастье семейное чается.
Брак заключается.
Но не в сберкассах,
а все-таки на небесах.

Ах, не газуйте.
Подъем лишь на малом газу
Можно осилить.
Машины скопились внизу.

«Волги» буксуют.

Подъем Чавчавадзовский крут.

Что не забудешь

за несколько этих минут?

Что ты запомнишь?

Бульжник заснеженный. Налсдь.

«Скорая помощь»

внизу начинает сигналить.

* * *

Ах, лицедей, какой же ты мастак,
Когда опять накладочка на сцене:
Ты не хотел — но получилось так,
Не думал — но такое впечатленья.

Накладка. Не сошлось. И вот опять
Ты вроде стал без умысла Мазепой.
Как все предположить, предугадать
В своей игре ненужной и нелепой.

* * *

Он счастлив был в кругу семьи
Часов примерно до семи.

Ну а с восьми часов примерно
(Спаси, помилуй и прости!)
Избранник муз и травести
Уже не мог себя вести
Благопристойно и примерно.

(Прости, помилуй и спаси!)
Хватал на улице такси.
Ложился рано — в смысле поздно.
И так всю жизнь. Сплошной недуг.
Когда же выздоровел вдруг,
То заболел весьма серьезно.

Тоска по дому, по семье,
По молодому, по себе.

* * *

Когда за окнами свищет вьюга
И ничего не видеть кругом,
Он впотьмах, на ощупь находит друга,
Чтобы расправиться с ним, как с врагом.

Среди врагов он врага не ищет,
Потому что с врагом тяжелей совладать,
Когда за окнами вьюга свищет
И ничего кругом не видеть.

.



Что-то разъяло на стаи лесные
Мир человеческого бытия.
Стая твоя, как и все остальные,
Эта случайная стая твоя.

Кто его знает, что с нами случится,—
Нету и не было вех на судьбе.
Только не вой, молодая волчица,
Ветер и так завывает в трубе.

Я не сужу, а почти понимаю,—
Там, где предзимние ветры свистят,
Сбились на вечер в случайную стаю
Несколько лютых волчиц и волчат.

Только не бойся от стаи отбиться,
Жалобно так и тоскливо не вой,
Только не бойся на вечер прибиться
К старому волку из стаи чужой.

ЕЩЕ ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Вы на «ты», на «ты», на «ты»
Лишь в пределах
Простынь белых
Вашей узенькой тахты.

А для всей Москвы-молвы,
Для твоих друзей богатых,
Для его подруг проклятых,
Вы — на «вы», на «вы», на «вы».

II

Сперва богата
Была —
Ума палата,
Дела.

Сперва
Ко мне ни ногой.
Забудь слова,
Дорогой.

Но обнищала
Почти,—
И обещала
Прийти.

* * *

Мы спим. Еще не рассвело.
Мы пребываем в сне усталом.
По-человечьи тяжело
Ворочаюсь под одеялом.

Еще до света далеко,
И рай не обернулся адом,
И, по-звериному легко,
Она ворочается рядом.

СТАРИННОЕ

Ездили на тройках в «Яр»,
При свечах сидели поздно,
И покрылась воском бронза,
Диких роз букет увял.

Но когда увяла эта
Бледно-розового цвета
Роза дикого куста,—
Не увяла красота.

Но едва увянув, сразу
Стала краше во сто крат.
Розы пепельные в вазу
Опусти — пускай стоят.

Жизнь ослабла. Смерть окрепла.
Но прекрасен ворох пепла.
Так забудь дорогу в «Яр»,
Не печалься о разрыве:
Стал букет еще красивей,
Оттого что он увял.

* * *

Ташусь на дачную платформу,
Ташу свое второе «я»,
Ищу приемлемую форму
Для нашего житья-бытья.

Но формы нет и быть не может
В земном обличье, во плоти —
И лишь небытие, быть может,
Поможет форму обрести.

•

* * *

Вспоминается все чаще,
Всякой всячины опричь,
Этот старый, тарахтящий
«Опель» имени «Москвич».

Эта лысая резина
Длинным юзом на снегу,
Эта зимняя Россия
В расколдованном кругу.

Здесь постиг в большом и в малом
То ли в горечь, то ли в сладсть,
Что реальность с идеалом
Не обязаны совпасть.

Потому что ты сначала
Долго-долго убирала,
А когда метель мела,
Когда музыка играла,
Голова твоя лежала
На коленях у меня.

* * *

Убывает время.
 Ах, убывает.
Что же ты сетуешь!
 Бог с тобой...
Оно не то чтобы убивает,
А из этого списка
 переносит
 в другой.

И я не то чтобы
 слишком болею.
Не то чтоб усталость
 доканывает меня,—
А все юбилеи стоят,
 юбилеи,
Юбилейные какие-то
 времена.

Столбы все содвинуты,
 море разливанное,
На одну колодку набиты
 десятки
 моих речей:
Сегодня юбилей Петра,
 а завтра Ивана,
А послезавтра
 просто не помню
 чей.

Между тем юбилея
еще не выдал,
Порог полувека
не перешагнул
Наш сизокрылый
кумир,
всечеловеческий идол,
Но уже издалёка
доносится
грозный гул.

Убивает время.
Что горевать
о пропаже.
Если ты никого не наказывал
и, почти не ропща,
терпел.
Если кое-кто успевал,
успевая даже
Ничего не давать...
Так что же теперь!

Что теперь я делаю?
Я выступаю
На юбилеях
сверстников
и однополчан
моих.
И носом клюю
в президиумах,
дремлю,
засыпаю,—
Засыпаю
покудова
только
на миг.

* * *

Жизнь ушла, отлетела,
Поневоле спеша,
На лицо и на тело
Проступает душа.

Огорчаться не надо,—
Всяк получит свое:
Старость — это награда
Или кара за все.

Так что слишком и очень
Не сходите с ума,
Если кончилась осень
И настала зима.

ИЗ ВОЛЬТЕРА

Я позицию выбрал такую,
На которой держаться нельзя,—
И с нее кое-как атакую
Вас, мои дорогие друзья.

Кое-как атакую преграды
Между нами встающей вражды.
Чужды мне ваши крайние взгляды,
Радикальные мысли чужды.

Но я отдал бы все, что угодно,
Все, что взял у небес и земли,
Чтобы вы совершенно свободно
Выражать эти взгляды могли.



По дороге из Ганы домой
На пять дней задержаться в Париже,
И к бессмертью тебе по прямой
Станет сразу же впятеро ближе.

Записать в повывавший блокнот,
Как звучит непонятное слово,
Как фиалковый дождик идет
И мерцают бульвары лилово.

А в России пророческий пыл,
Черный ветер и белые ночи.
Там среди безымянных могил
Путь к бессмертью длинней и короче.

А в России метели и сон
И задача на век, а не на день.
Был ли мальчик?— вопрос не решен,
Нос потерянный так и не найден.

* * *

Они расставались, когда
С позором своим навсегда
Она примириться решала,—
Решала, что я виноват,
Не муж, не любовник, не брат,—
И этим себя утешала.

Когда же с позором своим
Она подневольно простилась,
И жизнь кое в чем упростилась,
Я стал ей и вовсе чужим.

А был я не муж и не брат
И не по призванию любовник,—
Свидетель и, значит, виновник,—
Я был перед ней виноват.

Свидетель всегда виноват,
А значит, и я перед нею.
Я был чем-то больше, чем брат,
И верного мужа вернее.

Свидетель побед и утрат,
Я был обречен на изгнание,
Поскольку виновен заране,
Заране был виноват.

МОНОЛОГ ПРОФЕССИОНАЛА

У каждого свой болельщик,
У каждого игрока.
И у меня, наверно,
И даже наверняка.
Он в кассе билет оплачивает
И голову отворачивает,
Когда меня в борт вколачивают
Защитники ЦСКА.

Когда мне ломают шею,
О ребрах не говоря,
Мне больно — ему больнее,
О, как я его жалею,
Сочувствую я ему,
Великому Хемингуэю,
Болельщику моему.

К ПОРТРЕТУ

Ты говоришь совсем невнятно,
И на щеках твоих горят,
Нет, не горят, но тлеют пятна,
И неопрятен твой наряд.

Лицо в табачном дыме мгlistом
Усталостью притемнено,
И карты падают со свистом
На предвоенное сукно.

АННА, ДРУГ МОЙ...

Анна, друг мой, маленькое чудо,
У любви так мало слов.
Хорошо, что ты еще покуда
И шести не прожила годов.

Мы идем с тобою мимо, мимо
Ужасов земли, всегда вдвоем.
И тебе приятно быть любимой
Старым стариком.

Ты — туда, а я уже оттуда,—
И другой дороги нет.
Ты еще не прожила покуда
Предвоенных лет.

Анна, друг мой, на плечах усталых,
На моих плечах.
На аэродромах и вокзалах
И в очередях

Я несу тебя, не опуская,
Через предстоящую войну,
Постоянно в сердце ощущая
Счастье и вину.

ПРОЗА В СТИХАХ

Не влопыхах,
А трудно и медленно, в муках –
Проза в стихах,
В чуждых поэзии звуках.
Выпал глагол,
И не услышать Исайю,
Как я пришел
К этому крайнему краю?
В этом краю
Рифма — единственный посох,
Коей крою
Прозу в стихах безголосых.



Нет больше верстовых столбов в России,
У каждой нами пройденной версты
Застыли сучковатые, косые,
Сколоченные наскоро кресты.

И тишина, что в мае наступила,
Стекаясь к дому, не давала спать,
И кровли, опускаясь на стропила,
Бомбардировкой бредили опять.

Был сон не в сон. Какая-то рванина.
Прерывистое инобытие,
Всю ночь на скатерть лепестки жасмина
Бесшумно опадали в темноте.

Уснешь — и сразу тишина разбудит,
Стекаясь, поднимая и неся, —
А было все, как было, есть и будет
И только то, чего понять нельзя:

Чудовищное перенапряжение,
Раскованность — в натянутой узде, —
И вопреки всему и тем не менее
Покой, царящий всюду и везде.

НАДПИСЬ НА СТАРОЙ КНИГЕ

Какие-то колокола
Или какой-то звон капели.
Казалось, ростепель была,
Казалось, что на самом деле.

Но было вам разрешено
Немножко больше, чем дано
Природой или же всевышним,—
И оказалось потому
Не по плечу, не по уму
И не по духу, то есть лишним.

Лишенные величины,
Вы все торчать обречены,—
Как спицы в колесе без обода,—
Без исторического опыта.

В Бихаре топят кизяком.
Ах, этот запах мне знаком,
Проблема общая знакома:
Сельскохозяйственных забот
У вас, у нас — невпроворот,
И кизяковый дым плывет
Над односкатной крышей дома.

У вас, у нас одна страда,
Одна беда, одна отрада,—
Вы мне родные навсегда,
Другого ада мне не надо.

Был дважды в жизни потрясен:
Сперва войной великой — въяве,
А позже Индией — сквозь сон,
В Бихаре зимнем, на заставе.

Упал шлагбаум поперек
Бихара. И, упав, обрек
«Амбасадор» на остановку,
И на дырявую циновку
Я повалился тяжело.
Навес дырявым был. А небо
Так беспощадно землю жгло,
Что от него спасенья не было.

Ах, только люди здесь добры.
Чтобы согреться, жгут костры,
И все горчит кругом от гари.
Похолодало до жары.
Темнеет в пять. Зима в Бихаре.

* * *

Палаццо — это как палатки,
В которых те же неполадки.

По берегам сезонным гам,—
Здесь Биариц,
Здесь Ницца, Кани.

Здесь волны моря громыхают,
Здесь люди с горя отдыхают,—
Стоят палатки возле скал.
Здесь по утрам, в молчанье строгом,
Идет на пляже тяжба с богом:
Один присел. Другой привстал...

Но тяжбы с богом — бесполезны,—
Здесь всё болит и все болезни,—
Из рая изгнана чета.
И тот, кто думает о пользе,
Об этом пожалеет после,—
Не стоит польза ни черта.

О пользе думать очень вредно,—
Всё это не пройдет бесследно,—
Так следуй опыту отца:
Пока стучится нить живая,
Жизнь до последнего конца
Искусственно не продлевая.



* * *

В предгорьях Альп — автобус, то бишь
«Икарус» красный в поворот
Вошел. Ты зря его торопишь,—
Он с нужной скоростью ползет.

Шофер с женой — молодожены,
А за спиной у них сидит
Симпозиум разноплеменный
Всечеловеческий синклит.

По голубому серпантину
Вдоль скал австрийских, на краю,
Шофер ведет свою машину,
Коробку красную свою.

Жена сидит с шофером рядом
И смотрит, смотрит на него
Влюбленным, упоенным взглядом,
Вокруг не видя ничего.

И только в нервной струйке дыма
От сигареты над женой
Намек на то, что счастье мнимо
В пределах области земной.

БЛАГИЕ ПОРЫВЫ

Многооконный дом, как было сказано давно,
Пригорок тот же и долина тоже та же.
Здесь ждут тебя. И светится одно окно
На бельэтаже.

В округе все твердят, что ты за пядью пядь
Позиции сдаешь,— что все не так могло быть.
Ты перестала прямо к окнам дома нагло подъезжать
И со всего плеча каретной дверцей громко хлопать.

Карету оставляешь у ворот
(А то и за воротами) и кучерá в недоуменье,
И даже сквозь вуаль заметно, как ведет
Лицо твое, и под глазами тени.

Твоя карета кротко за воротами стоит,
И вы с хозяином почти молчите оба.
А в небесах сияет светлый стыд
Или священная, по-деревенскому, стыдоба.

Ты будешь лучше жить. Ты перестроишь мир и дом,
И станет бытие твое благословенно,
Благим подкреплено порывом и стыдом,
Которым ты в роду прославишь первое колено.

* * *

Свиристят в потемках кинескопы
Окна телевизорной Европы.
Под луной мерцают валуны,
Светится туман морозно-свежий,
Окна плодородных побережий
Сине-серым светом зажжены.

Старый перекресток Амстердама.
Дом Спинозы — прямо и направо
И мемориал-полуподвал,
Где философ стекла шлифовал.
И горит, горит хоть волком вой
За твоими стеклами Спиноза
В окнах запотелых от мороза.
Свет последней стадии склероза
Дармовой культуры мировой.

ПОДВАЛЫ ПЯТИДЕСЯТЫХ

Под домом в катакомбах — водку пьют.
Там разговоры и ужимки грубы,
Там отопленья парового трубы
Дают тепло и создают уют.

Там целый город размещен в подвале,
Гаражи, мастерские и склады,
А значит, недалеко до беды —
И так не раз пожарных вызывали.

Там после перекуров и работ
Сойдутся двое-трое у котельной,
И сразу же идейно к ним примкнет
Какой-нибудь мыслитель самодельный.

По-быстрому бутылку принесут,
И начинают разговор толковый,
И учиняют жизни трезвый суд,
Пока не постучится участковый.

За ним всегда влачится длинный хвост
Просителей и жалобщиков рьяных.
И участковый, заступив на пост,
По долгу службы пресекает пьяных.

Просители и жалобщики врут
И, не скупясь на преувеличенья,
Обиды, нелады и огорченья
Спешат поведать в несколько минут.

А пьяные — не ведают вины
И норовят спасти хотя бы пиво.
Они бутылку прячут торопливо.
...Беспечные наследники войны!

Она,
 война,
 жестокое наследье
На много лет оставила вперед.
А над подвалом только снег и лед,
И трубный голос оркестровой меди.

* * *

Ребенком будучи, представить я не мог,
Что Моцарт ест и пьет. Ведь Моцарт это бог.

Потом увидел с Саскией его
(Наверное, Рембрандт. Не в этом дело),
В руках бокал. Веселье. Торжество.
И все-таки не тело, нет, не тело,
А что-то то, чему названья нет,
Преодолев материю, напело,
Напело эту музыку и цвет.



Где твой Фауст, мудрец и ученый,
Твой подопытный кролик-пророк!
Приобрел он костюм уцененный,
Сузил брюки и шасть за порог.

Все чин чином на нем, все в порядке,
И костюмчик, как надо, сидит,—
Вот он топчется на танцплощадке,
Черт внизу на скамейке сидит,
Черт от скуки мороженым занят,
Черта старого танцы не манят,
Не влекут африканские па.
Жизнь,— он думает,— как ты глупа.
Жизнь скрывается за поворотом,—
Ты ее разыграл не по нотам,
Мефистофелем был по призванью,
А якшался со всякою рванью,
И, почти изменив небесам,
Рванью всякою сделался сам.

ТРОЕ

По острову идут на материк
Сырые облака без перерыва.
Два зонтика имперских на тронх,
Британия бедна и бережлива.

В блаженном смоге, в лондонском дыму,
В дыму-тумане голова гудела.
Фонтаны и дожди. И никому,
И никому ни до кого нет дела.

Эпоха... Спех... И все же, где забыт
Был третий зонтик? Вспомнить бы неплохо...
Упрется в площадь Пикадили-стрит,
А там фонтан сухой и рядом Сохо.

Дождь не переставая льет и льет
Над Лондоном, над черными мостами,
И только бродят ночи напролет
Три человека под двумя зонтами.

МАСТЕР

Он был умен, бездушен, пустотел,—
Слагая строки полые, тугие,
Чем занимался и чего хотел,—
Сказать неправду лучше, чем другие.

И этому, потратив столько сил,
Всю жизнь паля по воробьям из пушек,
Всех буратин, матрешек и петрушек,
Возлюбленных, загубленных игрушек
Надежно и безбожно обучил.

И над тобой они простерли нынче
Свою непререкаемую власть.
Вы друг за друга, как боксеры в клинче
Цепляетесь, чтоб вовсе не упасть.

* * *

В предгорьях Альп стоит сырое лето.
И после жизни прожитой нелепо
Под мокрой простыней такая дрожь,—
Трясет, колотит, корчит — не уймешь.

И все же старость, все-таки награда,—
Уже игры любимой мне не надо,
Уже не мажу, об заклад не бьюсь,
Уже ни мора не боюсь, ни глада,
Лишь взгляда беззащитного боюсь,
Уловленного где-то ненароком
На перекрестке людном и жестоком.

В ПЕРВОМ РАУНДЕ

Клубится дымка в куполе глубоком.
Сирена...

— Бокс!—

И от каната боком,
Раскрытый, с приопущенным плечом,
Он без разведки наступает — сразу,—
Он не бывал в нокдауне ни разу.
Дышать легко. Удары нипочем.

Все, как обычно. Все идет, как надо.
И секундант глядит из-под каната,
Надежный друг, испытанный — и вдруг
Перед глазами зал пошел кругами,
Ринг тяжело качнулся под ногами,
Крутым свинцом набрякли кисти рук.

И вот он в угол пятится — согнутый,
А между тем до гонга две минуты,
Сто двадцать пальцев, ежели на счет,
И он уже в углу, в глухой защите
(Скорей, секунды! Что же вы стоите?!)
Сигнала избавительного ждет.

Когда его прямым противник встретил,
Он самого удара не заметил
И погрузился в полузабытье,
Усталым ощутил себя и старым,
Пропала нечувствительность к ударам
(А может, вовсе не было ее...).

А может, вовсе не было и нету!
Вот он идет к чужому табурету,
Вот к своему, шатаясь, повернул,
От полотенца веет ветер скудный,
Кончаются последние секунды.
Шаг из угла. В ушах какой-то гул.

И сразу стойку примет он по гонгу,
Защитную, глухую, не свою,
И усмехнется секундант вдогонку
Бойцу, перерожденному в бою.

* * *

Беда. Но дело даже не в беде,
А в том, что — как, а в том, что — кто и где,
Таясь в тени, красуясь на виду,
Откликнулся — ответил на беду.

Любимый друг! Ухмылочку кривую
Забуду — и на том восторжествую.
Ухмылочку не чью-то, а твою,
Но никаких обид не затаю.

Любимый враг! Спасибо за подмогу.
Ты оказался другом. Слава богу!

Спасибо всем — до Страшного суда.
Ну а беда, она и есть — беда.

* * *

Когда беда в твой дом войдет,
Твой друг, вот этот или тот,
Рубашку на груди рванет —
И за тебя умрет.

Беда, она и есть беда...
А если радость... Что тогда?..

БАЛЛАДА О ЦИРКЕ

Метель взмахнула рукавом —
И в шарабанае цирковом .
Родился сын у акробатки.
А в шарабанае для него
Не оказалось ничего:
Ни колыбели, ни кровати.

Скрипела пестрая дуга,
И на спине у битюга
Проблескивал кристаллик соли...
.....
Спешила труппа на гастроли...

Чем мальчик был, и кем он стал,
И как, чем стал он, быть устал,
Я вам рассказывать не стану.
К чему судьбу его судить,
Зачем без толку бередить
Зарубцевавшуюся рану.

Оно как будто ни к чему,
Но вспоминаются ему
Разрозненные эпизоды.
Забуть не может ни за что
Дырявое, как решето,
Заштопанное шапито
И номер, вышедший из моды.

Сперва работать начал он
Классический аттракцион:

Зигзагами по вертикали
На мотоцикле по стене
Гонял с другими наравне,
Чтобы его не освистали.

Но в нем иная страсть жила,—
Бесмысленна и тяжела,
Душой мальчишеской владела:
Он губы складывал в слова,
Хотя и не считал сперва,
Что это стоящее дело.

Потом война... И по войне
Он шел с другими наравне,
И все, что чуял, видел, слышал,
Коряво заносил в тетрадь,
И собирался умирать,
И умер он — и в люди вышел.

Он стал поэтом той войны,
Той приснопамятной волны,
Которая июньским летом
Вломилась в души, грохоча,
И сделала своим поэтом
Потомственного циркача.

Но, возвратясь с войны домой
И отдышавшись еле-еле,
Он так решил:
«Войну допой
И крест поставь на этом деле».

Писанье вскорости забросил,
Обезголосел, охладел —
И от литературных дел
Вернулся в мир земных ремесел.

Он завершил жестокий круг
Восторгов, откровений, мук —
И разочаровался в сути
Божественного ремесла,
С которым жизнь его свела
На предвоенном перепутье.

Тогда-то, исковеркав слог,
В изяществе не видя проку,
Он создал грубый монолог
О возвращении к истоку:

Итак, мы прощаемся.

Я приобрел вертикальную стену
И за сходную цену
подержанный реквизит,
Ботфорты и бриджи
через неделю надену,
И ветер движенья
меня до костей просквозит.

Я победил.

Колесо моего мотоцикла
Не забуксует на треке
и со стены не свернет.
Боль в моем сердце
понемногу утихла.
Я перестал заикаться.
Гримасами не искажается рот.

Вопрос пробуждения совести
заслуживает романа.
Но я ни романа, ни повести
об этом не напишу.



Руль мотоцикла.
 кривые рога «Индиана»—
В правой руке,
 успевшей привыкнуть к карандашу.

А левой прощаюсь, машу...

Я больше не буду
 присутствовать на обедах,
Которые вы
 задавали в мою честь.
Я больше не стану
 вашего хлеба есть,
Об этом я и хотел сказать.
 Напоследок...

Однако этот монолог
Ему не только не помог,
Но даже повредил вначале.
Его собратья по перу
Сочли все это за игру
И не на шутку осерчали.

А те из них, кто был умней,
Подозревал, что дело в ней,
В какой-нибудь циркачке жалкой,
Подруге юношеских лет,
Что носит кожаный браслет
И челку, схожую с мочалкой.

Так или иначе. Но факт,
Что, не позер, не лжец, не фат,
Он принял твердое решенье
И, чтоб его осуществить,
Нашел в себе задор и прыть
И силу самоотрешенья.

Почувствовав, что хватит сил
Вернуться к вертикальной стенке,
Он все нюансы, все оттенки
Отверг, отринул, отрешил.

Теперь назад ни в коем разе
Не пустит вертикальный круг.
И вот гастроли на Кавказе.
Зима. Тбилиси. Ночь. Навтлуг¹.

Гастроли зимние на юге.
Военный госпиталь в Навтлуге.
Трамвайных рельс круги и дуги.
Напротив госпиталя — домик,
В нем проживаем — я и комик.

Коверный двадцать лет подряд
Жует опилки на манеже —
И улыбается все реже,
Репризам собственным не рад.

Я перед ним всегда в долгу,
Никак придумать не могу
Смехоточивые репризы.
Вздыхаю, кашляю, курю
И укоризненно смотрю
На нос его багрово-сизый.

Коверный требует реприз
И пьет до положенья риз...

В огромной бочке, по стене,
На мотоциклах, друг за другом,
Моей напарнице и мне
Вертеться надо круг за кругом.

¹ Навтлуг -- окраинный район Тбилиси.

Он стар, наш номер цирковой,
Его давно придумал кто-то,—
Но это все-таки работа,
Хотя и книзу головой.

О вертикальная стена,
Круг новый дантовского ада,
Мое спасенье и отрада,—
Ты все вернула мне сполна.

Наш номер ложный?
Ну и что ж!
Центростремительная сила
Моих колес не победила,—
От стенки их не оторвешь.

По совместительству, к несчастью,
Я замещаю зав литчастью.

* * *

Да.

Ко всему рука человека приложена.

Всюду

Выложен галькою путь,

сметано сено в стога,

Выкрашен столб верстовой...

Как же без дела я буду

Жить на земле,

если мне жизнь дорога.

Не было Слова,

которое было вначале,

Были слова.

На безделье меня обрекло

То, что они

постоянно меня отвращали

От ремесла

(хоть какое, а все ж ремесло!).

Вот он, Столешников шумный,

мудрецов многодумное вече,

Вот в Сандунах понедельник,

полók изразцовый,

возня.

Вы не чурайтесь меня!

Я за вас на комиссию вещи

Буду сдавать...

Да. Прописан.

Паспорт с собой у меня.

Вы во мне не нуждаетесь.

Курите в мыльном зале.

И, пронизательным взглядом

зыркая по сторонам:

— Се человек, возомнивший себя...—

вы сказали,

Как будто бы я намерен

сжечь Сандуновский храм.

По окружному мосту
Кружатся поезда,
В шинельку не по росту
Одет я навсегда.

Я в корпусе десантном.
Живу, сухарь грызя,
Не числюсь адресатом —
Домой писать нельзя.

А он не спит ночами,
Уставясь тяжело
Печальными очами
В морозное стекло.

Война отгрохотала,
А мира нет как нет.
Отец идет устало
В рабочий кабинет.

В году далеком Пятом
Под флагом вихревым
Он встретился с усатым
Солдатом верховым.

Взглянул и зубы стиснул,
Сглотнул кровавый ком, —
Над ним казак присвистнул
Тяжелым батожком.

Сошли большие сроки,
Как полая вода.
Остался шрам жестокий
И ноет иногда.

* * *

•
Все длится, не кончается минута
На станции пустынной Гудаута.

Одна минута остановки краткой,
Одна слеза, пролитая украдкой.

Там семафор горит огнем зеленым,
И я бегу, без шапки, за вагоном.

Там все уходит поезд на Цхалтубо,
И парень девушку целует грубо.

АВТОБУС

Вновь подъем Чавчавадзе сквозь крики:
Бади-буди, мацони, тутá...
Снова воздух блаженный и дикий,—
Нам уже не подняться туда.

Но в густом перезвоне бутылок
Прет автобус, набитый битком,
В нос шибает и дышит в затылок
Чахохбили, чачой, чесноком.

Снова стирка — и пена по локоть.
Навесных галерей полукруг,
Где ничем невозможно растрогать
Неподвижно сидящих старух.

А в железных воротах ни щели,—
Лишь откроется дверка на миг,
Да автобус ползет еле-еле
Закоулками и напрямик.

Он достигнет вершины подъема
И покатится глухо назад.
Снова милые женщины дома
Из распахнутых окон глядят.

Из распахнутых окон, как вызов,
Над подъемом склонились они
Так, что груди свисают с карнизов,
А прекрасные лица в тени.

* * *

Старик тапер в «Дарьяле»,
В пивной второстепенной,
Играет на рояле
Какой-то вальс шопенный.

Принес буфетчик сдачу
И удалился чинно.
А я сижу и плачу
Светло и беспричинно.

* * *

На пыльном базаре вода из колонки,
Как ты, холодна и светла,
На пыльном базаре такие девчонки,
Какой ты когда-то была.

На пыльном базаре веселые люди,
Смеяться умеют они,
И бродит вино в кахетинской посуде.
Присядь, и пригубь, и тяни!

На пыльном базаре торговля без плана,
Базарных торговков возня.
И смотрит большими глазами Светлана,
Светлана глядит на меня.

На пыльном базаре, под небом нарядным,
Храня независимый вид,
В граненом стакане с вином виноградным
Светлана, Светлана стоит.

* * *

Мы звезды ловили,— я пальцы обжег
И на леднике остудил.
Я, может, от гибели был на вершок,
Мой конь выбивался из сил.

Мы звезды ловили,—
Я пальцы обжег.
И видел лавины
Звериный прыжок.

Рожок гуртоправа
Играл мне все лето,
И жмурились травы
От резкого света...

И каменный путь грохотал под копытом.
И билось вино в бурдюке недопитом.

ГРУЗИНСКИЙ ТАНЕЦ С МЕЧАМИ

Сохрани меня, танец,
На веки веков
От оков,
От заученных слов!

Проведи меня, танец,
По светлой стране,
По весенней струне!

Чтоб звучала струна,
Чтоб крепчала весна.

Подыми меня, танец,
Над горным хребтом.
А потом
Опусти,
Не обрежь
У студеной реки
О зеленые травы-клинки.

Расколи о колено грохочущий бубен!
В эту ночь мы о небе и звездах забудем,—
Мы запомним лишь землю,
Которую все
В эту ночь
Увидали
В особой
Красе.

Эту землю,
Которой проходит легко
На носках
Под неистовый гик
Илико...

Он идет, и в пыли запевают мечи
Возле самой
 заломленной
 каракульчи.

За оградой на привязи кони храпят,
Чистой пеной кропят удила.
И железные цепи, как кости, скрипят
На зубах у овчарок.
И мгла.

То ли топот
Приглушенных пылью
Подков,
То ли бубен
Пространство дробит...
Окружи меня, танец, на веки веков!
Подари мне свой праздничный быт!

ГОРЫ

Этот снег, он растаял бы вскоре,
Если б ветром его отнесло
От нагорий Кавказа в Приморье,
Где зимой, словно летом, тепло.

Но оттаять в объятиях юга
До сих пор я никак не могу
И дышу, как сибирская вьюга,
На зеленом твоём берегу.

НА ПОБЕРЕЖЬЕ

По городам шатался при деньгах,
Не вовремя питался в ресторанах,
Душа горела в ссадинах и ранах
На черноморских зимних берегах.

О Грузия! Прости, что я глядел
По сторонам. А чаще просто мимо.
Не замечал твоих забот и дел,
А видел только то, что было мнимо.

Я чачу пил. А в чаче был табак,
Чтоб в голову сильнее ударяла,
И чача жажду мне не утоляла,—
Лишь оставляла горечь на губах.

Но этот фарс, поставленный без света,
Во тьме кромешной, у прибрежных скал,
Трагедию какого-то поэта
В который раз прилежно повторял.

НА ПОЛЯХ ПЕРЕВОДА

Кура, оглохшая от звона,—
Вокруг нее темным-темно.
Над городом Галактиона
Луны бутылочное дно.

И вновь из голубого дыма
Встает поэзия,—
Она
Вовеки непереводима —
Родному языку верна.

* * *

Этот город,
Как колокол-сплетник,
Всюду радость мою раззвонил,
Чувств моих не жалея последних,
Клокотал, выбивался из сил.

Волю дал этот город
Злословью,
Этот колокол. невечевой
Над моею последней любовью
Усмехался ухмылкой кривой.

Что я сделал тебе,
Чем озлобил?
Или тем, что из суетных дел,
Как запаленный конь из оглобель,
Снова вырваться я захотел?

Чем она пред тобой
Виновата?
Или тем, что жила не в чести,
Или все это просто расплата
За попытку себя обрести?!

Мы себя
Обрести захотели,
Но уйти не смогли от суда.

Вот и вышло, что надо у цели
Нам прости́ться с тобой навсегда.

Только плакать об этом не надо,—
Ты сегодня увидишь сама,
Как прощальным платком снегопада
В марте месяце машет зима.

ПЕСЕНКА САГУРАМО

Незнакомая страна...
Родниковая струна
День и ночь звенит под камнем
Возле самого окна.

Горы около зари.
Рассветает ровно в три.
Ветерки над Сагурамо —
Облаков поводыри.

Дремлет подле родника
Погруженная в века
Кახетинская посуда,
Захмелевшая слегка.

Незнакомые края...
Родниковая струя
День и ночь о камень точит
Ледяные лезвия.

К МОРЮ

Владыки и жрецы глядят за окоем,
Неведомую даль испытывая взглядом.
Неинтересно им смотреть на то, что рядом,
Когда они стоят на берегу твоём.

А я, ничтожный раб, наедине с тобою,
Неведомую даль ладонью заслоня,
Восторженно гляжу на линию прибоя,
И, словно горизонт, она влечет меня.

* * *

Над Курою город старый,
Первый лист упал с чинары —
Это листопад опять.
Первый лист упал со звоном,
Был когда-то он зеленым
И не думал опадать.

Порываюсь рвать со старым,
Отдаю тебя задаром,
С глаз долой, из сердца вон.
В день прощанья, в час разлуки
Слышу горестные звуки —
Перезвяк и перезвон.

Перезвон и перезвяк
Листьев золотых и медных
На все более заметных,
Проступающих ветвях.

А ТАМ ВСЕ ТАК ЖЕ МОРЕ БЬЕТ...

А там все так же море бьет
По дамбе гулкой и щербатой.
Но ты не та и я не тот,
Какими были мы когда-то.

И все же это я
 опять,
Оглохнув от морского гула,
Иду, как будто время вспять
Легко и круто повернуло.

И ты, в обличье молодом,
Нетвердо, как под коромыслом,
Удерживаешься с трудом
На камне узком и осклизлом.

Все так же в дамбу бьет прибой
Неистошимыми волнами.
И все же это мы с тобой,
Мы —
Следующие за нами.

Неистошимо бытие:
И волны, и загар на коже
Такой же, как у нас, такой же
И у него и у нее.
Мои ровесницы увяли,
Пообветшала жизнь моя.
И под ногой
На перевале
Нагая, жесткая земля.

Но, возникая вновь из пены,
Тебе на смену, в свой черед,
По ходу действия, на сцену
Вдоль дамбы женщина идет.

Она, ликуя всей утробой,
Все той же движется тропой,
Раскачиваясь между злобой
И бабьей жалостью слепой.

И потому необходимо
Глазами, сердцем и умом
Узреть в о в н е
Все то, что зримо,
В о в н е,
А не в себе самом.

И ведать, как пришли к победе
Титаны и богатыри
По ходу греческих трагедий,
Где мир в о в н е,
А не внутри.

Прервал дневник на полуслове,
Живу не по календарю —
И отрешенней и суровой
На собственную жизнь смотрю.

ВЕТРОВОЕ СТЕКЛО

Проснуться в восемь
И глядеть в окно.
Весна иль осень —
Это все равно.

Лишь только б мимо,
Всюду и всегда,
В порывах дыма
Мчались поезда.

А лучше нету
Доли кочевой —
По белу свету
В тряской грузовой.

Чтоб ливень, воя,
Падал тяжело
На ветровое
Мокрое стекло.

Я жил собой
И всеми вами жил,
Бросался в бой
И плакал у могил.

А время шло,
Мужая и борясь,
И на стекло
Отбрасывало грязь.

Я рукавом
Стирал ее во мгле
На ветровом
Исхлестанном стекле.

Я так люблю
Дорогу узнавать,
Припав к рулю,
О многом забывать!

В метель, в грозу,
Лишь руку подыми,
Я подвезу —
Бесплатно, черт возьми!

Тебя бесплатно
Подвезти клянусь,
Зато обратно
Больше не вернусь.

Всегда вдвоем,
Довольные судьбой,
Мы не даем
Покоя нам с тобой.

И смотрят двое
Весело и зло
Сквозь ветровое
Грязное стекло.

* * *

Я люблю — и ты права,
Ты права, что веришь свято,
Так, как верили когда-то
В эти вечные слова.

Я люблю...
Так почему,
Почему же, почему же
Мне с тобой гораздо хуже
И трудней, чем одному?

Прохожу все чаще мимо,
И любовь уже не в счет,
И к себе
Неотвратимо
Одиночество влечет.

* * *

Арбат — одна из самых узких улиц...
Не разминуться на тебе, Арбат!..
Но мы каким-то чудом разминулись
Тому почти что двадцать лет назад.

Быть может, был туман... А может, вьюга...
Да что там... Время не воротишь вспять...
Прошли — и не заметили друг друга,
И нечего об этом вспоминать.

Не вспоминай, а думай о расплате —
Бедой кормись, отчаяньем дыши
За то, что разминулись на Арбате
Две друг для друга созданных души.



БЕССОННИЦА

Хоронили меня, хоронили
В Чиатурах, в горняцком краю.
Черной осыпью угольной пыли
Падал я на дорогу твою.

Вечный траур — и листья и травы
В Чиатурах черны иссиня.
В вагонетке, как уголь из лавы,
Гроб везли. Хоронили меня.

В доме — плач. А на черной поляне —
Пир горой, поминанье, вино.
Те — язычники. Эти — христиане.
Те и эти — не все ли равно!

Помнишь, молния с неба упала,
Черный тополь спалила дотла
И под черной землей перевала
Свой огонь глубоко погребла.

Я сказал: это место на взгорье
Отыщу и, припомнив грозу,
Эту молнию вырою вскоре
И в подарок тебе привезу.

По-иному случилось, иначе —
Здесь нашел я последний приют.
Дом шатают стенанья и плачи,
На поляне горланят и пьют.

Или это бессонница злая
Черным светом в оконный проем
Из потемок вломилась, пылая,
И стоит в изголовье моем?

От бессонницы скоро загину —
Под окошком всю ночь напролет
Бестолково заводят машину,
Тарахтенье, уснуть не дает.

Тишину истязают ночную
Так, что кру́гом идет голова.
Хватит ручку крутить заводную,
Надо высушить свечи сперва!

Хватит ручку вертеть неумело,
Тарахтеть и пыхтеть в тишину!
Вам к утру надоест это дело —
И тогда я как мертвый усну.

И приснится, как в черной могиле,
В Чиатурах, под песню и стон,
Хоронили меня, хоронили
Рядом с молнией, черной как сон.

С ВОЙНЫ

Нам котелками

нынче служат миски,

Мы обживаем этот мир земной,
И почему-то проживаем в Минске.
И осень хочет сделаться зимой.

Друг друга с опереттою знакомим.

И грустно смотрит капитан Луконин.

Поклонником я был.

Мне страшно было.

Актрисы раскурили всю махорку.
Шел дождь.

Он пробирался на галерку.

И первого любовника знобило.

Мы жили в Минске муторно и звонко.

И пили спирт, водой не разбавляя,

И нами верховодила девчонка,

Беспечная, красивая и злая.

Наш бедный стол

всегда бывал опрятен —

И, вероятно, только потому,

Что чистый спирт не оставляет пятен,—

Так воздадим же должное ему!

Еще война бандеровской гранатой
Влетала в полуночное окно,
Но где-то рядом, на постели смятой,
Спала девчонка

нежно и грешно.

Она недолго верность нам хранила —
Поцеловала, встала и ушла.

Но перед этим

что-то объяснила

И в чем-то разобраться помогла.

Как раненых выносит с поля боя
Веселая сестра из-под огня,
Так из войны, пожертвовав собою,
Она в ту осень вынесла меня.

И потому,

однажды вспомнив это,

Мы станем пить у шумного стола
За балерину из кордебалета,
Которая по жизни нас вела.

Скудным светом высветлив светелку,
Понимает Анна, что опять
Этот мальчик явится без толку,
Чтобы озираться и молчать.

Он идет походкой оробелой,
Осторожно, ненаверняка,
На весу, на перевязи белой,
Раненая детская рука.

В материнской грусти сокровенной,
У грехопаденья на краю,
Над его судьбой — судьбой военной —
Клонит Анна голову свою.

Кем они приходятся друг другу,
Чуждых две и родственных души?..
Ночь по обозначенному кругу
Ходиками тикает в тиши.

И над Волгой медленной осенней,
Погруженной в медленный туман,
Длится этот — без прикосновений —
Умопомрачительный роман.

ДЕСАНТНИКИ

1

Воз
 воспоминаний
 с места строну...
В горде, голодном и израненном,
Ждали переброски на ту сторону,
Повторяли, как перед экзаменом.

Снова
Повторяли все, что выучили:
Позывные. Явки. Шифры. Коды.
Мы из жизни
 беспощадно вычли
Будущие месяцы и годы.

Скоро спросит,
 строго спросит Родина
По программе, до сих пор не изданной,
Все, что было выучено, пройдено
В школе жизни,
 краткой и неистойвой.

Постигали
 умных истин уймы,
Присягали
 Родине и знамени.
Будем строго мы экзаменуемы,—
Не вернутся многие с экзамена.

2

В снег Синявинских болот
Падал наш соленый пот,
Прожигая до воды
В заметенных пущах
Бесконечные следы
Впереди идущих.

Муза тоже там жила,
Настоящая, живая.
С ней была не тяжела
Тишина сторожевая.

Потому что в дни потерь,
На горячем пепелище,
Пела чаще, чем теперь,
Вдохновеннее и чище.

Были битвы и бинты,
Были мы с войной на «ты»,
Всякие видали виды.
Я прошел по той войне,
И она прошла по мне,—
Так что мы с войною квиты.

3

Мы под Колпином скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим.
Это наша разведка, наверно.
Ориентир указала неверно.

Недолет. Перелет. Недолет.
По своим артиллерия бьет.

Мы недаром Присягу давали.
За собою мосты подрывали,—
Из окопов никто не уйдет.
Недолет. Перелет. Недолет.

Мы под Колпином скопом лежим.
И дрожим, прокопченные дымом.
Надо все-таки бить по чужим,
А она — по своим, по родимым.

Нас комбаты утешить хотят,
Нас, десантников, армия любит...
По своим артиллерия лупит —
Лес не рубят, а щепки летят.

4

Мне цвет защитный дорог,
Мне осень дорога —
Листвы последний ворох,
Отцветшие луга.
Кленовый стяг похода,
Военный строй вдали,
Небесная пехота —
Грачи и журавли.
Мне цвет защитный дорог,
Мне осень дорога —
Листвы бездымный порох,
Нагие берега.
И холодок предзорный,
Как холод ножевой,
И березняк дозорный,
И куст сторожевой.
И кружит лист последний
У детства на краю,
И я, двадцатилетний,
Под пулями стою.

ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ

Лишь услышу -- глаза закрываю,
И волнение сдержать нету сил,
И вполголоса сам подпеваю,
Хоть никто подпевать не просил.

Лишь услышу, лишь только заслышу,
Сразу толком никак не пойму:
То ли дождь, разбиваясь о крышу,
Оглашает кромешную тьму,
То ли северный ветер уныло
Завывает и стонет в трубе
Обо всем, что тебя надломило,
Обо всем, что не мило тебе?

Схлынут горести талой водою,
Будет полночь легка и вольна,
И в стаканах вино молодое,
И на скатерти пятна вина.

И казалось, грустить не причина,
Но лишь только заслышу напев,
Как горит, догорает лучина, —
Сердце падает, оторопев.

Эту грусть не убью, не утишу,
Не расстанусь, останусь в плену.
Лишь услышу, лишь только заслышу —
Подпевать еле слышно начну.

И, уже не подвластный гордыне,
Отрешенный от суетных дел,
Слышу так, как не слышал доныне,
И люблю, как любить не умел.

* * *

Нисходит и к нам благодать временами —
И теща меня угощает блинами.
Но даже, но даже, но даже, но даже
В такую минуту, в такую минуту
Стоит злоумышленник тайный на страже,
Усмешку таит, угрожает уюту.

Гримасы он корчит на диво смешные,
И смотрят мне в спину глазищи большие.
Зашел со спины, за спиною таится,
И можно подумать — он тещи боится,
А может, боится меня самого,
А теща — блины выпекать мастерица,
А он ничего не боится на свете,
Он чист и наивен, как малые дети, —
И все-таки люди боятся его.

Блины разрумяные принесены,
Шипит раскаленного сала обмылок,
А он притаился, зайдя со спины,
И нежной травинкой щекочет затылок,
Хохочет в переполошенном дому.
Безвестен и голоден, честен и пылок, —
Спасибо, спасибо, спасибо
Ему!

* * *

На заснеженном вокзале,
Отправляясь в дальний путь,
У вагона мы стояли,
Снег старались отряхнуть.

Над перроном выла вьюга,
Снег валился вкривь и вкось,
Отряхнуть его друг с друга
Нам тогда не удалось.

Уезжали из метели,
Уходили от зимы,
Не прошло и полнедели —
Угодили в лето мы.

Дождь накрапывал в Батуми,
Было сыро и тепло.
Акробатом на батуте
Бакен прыгал тяжело.

С кошельковой сетью сейнёр
Как заржавленный утюг,
Все похоже здесь на север,
А на самом деле — юг.

Отпустили нас тревоги,
Отступили холода,
Снег растаял по дороге,
Не остался ни следа.

* * *

Мы просыпались в сумраке мглистом,
Друзья не друзья, враги не враги,—
И стала наша любовь со свистом
Делать на месте большие круги.

От понедельника до субботы,
От новогодья до ноября;
Эти свистящие повороты,
Все вхолостую, впустую, зря.

Мы не держались тогда друг за друга,
И свист перешел постепенно в вой,
И я сорвался с этого круга
И оземь ударился я головой.

И помутилось мое сознание...
О, прояснить его помоги!
Снег моросит. И в густом тумане
Перед глазами плывут круги.

ШАХМАТИСТ

А у Мощенко шахматный ум,—
Он свободные видит поля,
А не те, на которых фигуры.
Он слегка угловат и немного угрюм,—
Вот идет он, тбилисским асфальтом пыля,
Высоченный, застенчивый, хмурый.

Видит наш созерцающий взгляд
В суматохе житейской и спешке
Лишь поля, на которых стоят
Короли, королевы и пешки.

Ну, а Мощенко видит поля
И с полей на поля переходы,
Абсолютно пригодные для
Одинокой и гордой свободы.

Он исходит из этих полей,
Оккупации не претерпевших,
Ибо нету на них королей,
Королев и подопытных пешек.

Исходить из иного — нельзя!
Через вилки и через дреколья
Он идет — не по зову ферзя,
А по воле свободного поля.

Он идет, исходя из того,
Что свобода — превыше всего,—
И, победно звеня стремениами,
Сам не ведает, что у него
Преимущество есть перед нами.

* * *

Одиночество гонит меня
От порога к порогу —
В яркий сумрак огня.
Есть товарищи у меня,
Слава богу!
Есть товарищи у меня.

Одиночество гонит меня
На вокзалы, пропахшие воблой,
Улыбнется буфетчицей доброй,
Засмеется,
разбитым стаканом звеня.

Одиночество гонит меня
В комбинированные вагоны,
Разговор затевает
Бессонный,
С головой накрывает,
Как заспанная простыня.

Одиночество гонит меня. Я стою,
Елку в доме чужом наряжая,
Но не ралует радость чужая
Одинокую душу мою.

Я пою.
Одиночество гонит меня
В путь-дорогу,
В сумрак ночи и в сумерки дня.
Есть товарищи у меня,
Слава богу!
Есть товарищи у меня.

* * *

Отстраняю прочь орудья пытки.
Заикаюсь. Господи прости...
Делаю последние попытки
Душу помраченную спасти.

Уезжаю на разъезд пустынный,
Ревностью насытившись сполна.
И голубоватый снег простынный
Стелет прямо под ноги луна.

А она в глухом полуподвале
Вспоминает, рухнув на кровать,
Как ее по кругу предавали,
Прежде чем невестою назвать.

А потом во тьме кромешно-голой
Головой гнетет мое плечо
И ногами гибелью бесполой
Дышит мне на щеку горячо.

* * *

Скоро, скоро

зима, зима

Снегом окно залепит.

Я отдаю тебя задарма,

Губы твои и лепет.

Лучшее, что имел,

отдаю,

И возвратят мне уже едва ли

Добрую, чистую душу твою

И тело,

которое так предавали.

Мы с тобою

друг другу —

недалеки,

Но сам я воздвиг между нами стену,—

На безымянный палец

левой руки

Кольцо серебряное надену.

СПОРТИВНАЯ БАЛЛАДА

Все думаю — чем богу докучала
И на себя немилость навлекла.
На волейбольном поприще сначала
Прославилась. Известностью была.

Звезда провинциального масштаба
(По матери — мадьярка. Хоть куда!),
Продукт цивилизации — не баба —
Без бедер, длиннонога и худа.

В составе сборной выезжала в Киев,
В Москву летала на полуфинал.
Печенки мне соперничеством выев,
Спортивный быт меня не доконал.

Но я устала. Увлеченья были.
И на мое лицо налетом лег
Едва заметный слой холодной пыли,
Дотла испепеленный мотылек.

О, как старалась я бороться с этой
Проклятой пылью — и любой ценой,
По грудь почти что выпрыгнув над сеткой,
Ударом пробивала блок двойной.

Печальная меня постигла участь.
(Причуды спорта, черт его дер!) —
Пропала вдруг природная прыгучесть,
На технике держалась года три.

Ну а теперь держусь на честном слове.
Курю. Потребность чувствую в вине.
Уже не выйти замуж мне в Ростове,
И говорят — по собственной вине.

Неправда, что во мне одна усталость.
Осталось и хорошее. Оно
В какую-то истошную удалость
Ударами судьбы превращено.

Вчера спортивный комментатор прибыл.
Люкс в бывшем «Яре» сдан ему внаем.
Ну что ж — не мне, так «Интуристу» прибыль:
Мы ужинаем в номере вдвоем.

Меня опять какой-то кашель душит.
А он уже встает из-за стола
И верхний свет неторопливо тушит
(Быть может, хочет, чтобы я ушла).

Он медленно расстегивает ворот...
Сегодня ночью или завтра днем
В какой-нибудь большой и людный город
Уеду, чтобы затеряться в нем.

ДВА ОТРЫВКА

1

Громко ахала весна —
Снег взрывали,
И в подвале
Нарушалась тишина.

Переулок мой Лебяжий,
Лебедь юности моей.
Крыша, крашенная сажей,
А над ней
Бумажный змей.

Змей бумажный...
Голубь важный
По карнизу семенит.
Дом старинный, трехэтажный,
Бицепсы кариадид.

Змей бумажный тянет в небо
Нитку длинную свою.
На мосту
В исходе нэпа
Папиросы продаю:
— Папиросы «Бокс»! А ну-ка!
Ну-ка, пять копеек штука!
Если оптом,
Пачка рубль —
Три четвертака за труд.

Видно, нэп идет на убыль —
Папиросы не берут.

Я в детство поглядел...
У игрока
Холодная,
Холеная
Рука.
Под ватю
Покатое
Плечо
И сердце, бьющееся горячо.

Извозчик получает серебром,
Распахивает двери ипподром.
И я живу —
Страстей веселых раб.
Изучен покер, преферанс и фрапп,
И за последним лихачом столицы,
От ипподрома за одну версту,
Последний снег отчаянно клубится
И удесятеряет быстроту.

Отец ворчал, что отпрыск не при деле.
Зато колода в лоск навощена.
И папироски в пепельницах тлели
Задумчивым огнем...

Как вдруг — война...

БУДИЛЬНИК

Часам к пяти, во тьме кромешной,
Замоскворецкою зимой
Походкой зыбкой и поспешной
Я провожал тебя домой.

Часам к пяти в Замоскворечье
Такая тьма, такая тишь.
Ты кутаешь худые плечи.
Поеживаешься, молчишь.

И нету слов, чтобы пустую
Беседу складную плести,
Я все сказал тебе вчистую,
Ну, а теперь — прощай! Прости...

Вернусь под низенькую кровлю,
Будильник туго заведу.
Себя к работе приготовлю,
Сварю кофейную бурду.

Часам к шести, прогнав зевоту
И кофе наспех проглотив,
Начну работу внеохоту —
Засяду подбирать мотив.

Мотивчик подбирать засяду,
Втянусь в старинную игру
И, шесть часов промучась кряду,
Коль бог поможет, подберу.

Под кровлей низенькой и тихой
Играй, будильник, не ленись,
Не останавливайся, тикай,
Со временем не разминись.

Ведь ты не зря стучал, как дятел,
Не зря потратил столько сил,—
Меня к работе приканатил
И к времени приколотил.

Засну. Проснусь. И каждый раз
Одно и то же первым делом:
Который час, который час,
Который час на свете белом?

ПРОЩАНИЕ С КАРМЕН

Мы встретимся?
Быть может... Но не скоро...
Темны, как ночь, цыганские дела...
Кармен, Кармен. Любовь тореадора!
Как хорошо, Кармен, что ты ушла!

Теперь-то я припомню все подробно,
Как ты плясала, веер теребя,
Притопывая маетно и дробно,
Все время отрешаясь от себя.

Как из меня хотела сделать франта,—
Но, вопреки роскошествам тряпья,
Претила мне такая контрабанда
И суетность цыганская твоя.

Ты помнишь ту последнюю корриду,
В кровавой пене пегие бока?
Тебе казалось,
Больше я не выйду
Со шпагой и мулетой на быка.

Донашиваю все, что подарила,
Все то, чем покорила,
Завлекла,—
И пегий бык опять заходит с тыла,
Чтоб выбить пикадора из седла.

В заливок шпагу наискось продену
И уцелею всем смертям назло,—
И пусть из-за барьера на арену
Глядят контрабандисты тяжело.

Они тебя глазами раздевали
И недоумевали от души.
Красавица?
Быть может... Но едва ли...
Вот камни в серьгах, правда, хороши!

Волны возвратной
жертвы мы с тобою —
Нас не пускает на берег она.

Не знали мы,
что счастье только в этом —
Открытом настезь море —
не мертво,
Что лишь для тех оно не под запретом,
Кто не страшится счастья своего.

Мы к берегу стремились
что есть силы,
Обетованной жаждали земли,
Мы обрели,
нашли
покой постылый —
И на погибель счастье обрекли.

Мы выплыли с тобой
на берег юга
И возле скал зажгли костры свои
Так далеко-далёко друг от друга,
Что речи быть не может о любви.

Сбеги ко мне тропинкою пологой,
Найди меня в густеющей тени
И серо-голубые с поволокой
Твои глаза
навстречу распахни!
Я подорву дороги
за собою,

ГОРОДОК

Ах, Первояну, Первояну,
На южном севере морском!
К тебе добрался я ползком —
Усталость врачевать, как рану.

Ах, городок на берегу,
Напоминающий дугу
С бубенчиками колоколен.
Живу. Дышу. Лечусь. Молчу.
С тобой поссориться хочу,
Твоим покоем недоволен.

С ним, в тишине, наедине
Тревожно, Первояну, мне,
Тревожно. Слышишь, как тревожно!
Ты слышишь, я еще живой,
Живу тревогой ножевой
Угрюмо и неосторожно.

От молодости устаю,
Быть молодым перестаю,
А все никак не перестану.
Кладу седеющий висок
На холодеющий песок
В прибрежных дюнах Первояну.

УЧИТЕЛЬ

Как быстро и грозно верт́ится земля
И школьные старятся учителя!

Нет силы смотреть, как стареют они
За мирные дни, за военные дни.

Вернешься с войны, мимо школы пройдешь,—
Как прежде, шумит у дверей молодежь.

А школьный учитель — он так постарел —
В глубоких морщинах и волосом бел.

Ссутулились плечи, пиджак мешковат,
И смотрит, как будто бы в чем виноват.

Как быстро и грозно верт́ится земля
И школьные старятся учителя.

* * *

Мне комнаты в привычку обживать,
Но не могу никак обжить вот эту —
Скольжу по навощенному паркету
И падаю на смятую кровать.

Не то чтобы сомненье одолело,
Не то чтобы мерещились враги,
А не могу обжить — такое дело!—
Перешагни порог
и помоги.

* * *

Возле трех вокзалов продавали
Крупные воздушные шары,
Их торговки сами надували
Воздухом, тяжелым от жары.

Те шары летать умели только
Сверху вниз — и не наоборот.
Но охотно покупал народ,—
Подходили, спрашивали:
— Сколько?..

А потом явился дворник Вася,
На торговку косо поглядел,
Папиросу «Север» в зубы вдел
И сказал:
— А ну, давай смывайся...

Папиросой он шары прижег,
Ничего торговка не сказала,
Только жалкий сделала прыжок
В сторону Казанского вокзала.

На земле вокзалы хороши!
Слушай голоса гудков усталых!
От души смеются на вокзалах,
На вокзалах плачут от души.

Вижу, вижу смутно, как в тумане:
В темном, непротопленном углу
Чутко дремлют пестрые цыгане
В рухляди, на каменном полу.

Без тебя не жить на белом свете,
Не дышать, не петь, не плакать врозь,
Мой вокзал! Согрей меня в буфете,
На перроне гулком заморозь.

* * *

Подкова счастья! Что же ты, подкова!
Я разогнул тебя из удалства
И вот теперь согнуть не в силах снова —
Вернуть на счастье жалкие права.

Как возвратить лицо твое степное,
Угрюмых глаз неистовый разлет,
И губы, пересохшие от зноя,
И все, что жизнь обратно не вернет?

Так я твержу девчонке непутевой,
Которой все на свете трын-трава,—
А сам стою с разогнутой подковой
И слушаю, как падают слова.

* * *

От зноя и от пыли,
От ветра и воды
Терраску застеклили
На разные лады.

Цвела моя терраска!
Для каждого стекла
Особенная краска
Подобрана была.

С терраски застекленной,
Из пестрого окна
Мне жизнь видна зеленой
И розовой видна,
Оранжевой, лиловой
И розовой опять,
И розовое слово
Мне хочется сказать.

Стекляшками на части
Разъято бытиё,
И розовые страсти —
Призвание мое.

Нет ни зимы, ни лета,
Ни ночи нет, ни дня,
И розового цвета
Румянец у меня.

Не ведаю, какая
Погода наяву.
От жизни отвыкая,
Живу и не живу.
Но жизнь — превыше быта,
Добро — сильнее, чем зло,
И вдребезги разбито
Обманное стекло.

И, как в волшебной сказке,
По мановенью лет
Приобретают краски
Первоначальный цвет.

СПОРЫ

Мы ни о чем не спорили тогда,
Делили молча сухари и сало.
Синявинская черная вода
Под снегом
Никогда не замерзала.

Кто как умел спасался от зимы.
Умел ли кто? Быть может. Но едва ли...
К огню вплотную придвигались мы
И, задремав,
Шинели прожигали.

И, лишь размяться отойдешь на шаг,
Огнем займется кровельная хвоя,
Взрываются патроны в шалашах,
И облако встает
Пороховое.

Но минул срок Синявинских болот,
Остались только гильзы от патронов.
Теперь мы спорим ночи напролет,
Вагон вопросов
С места трудно стронув.
Теперь всю ночь, до поздних зимних зорь.
И при дневном от снега белом свете
Стой на своем, не засыпай и спорь.

Не отступай.
Упрямым будь, как дети!

Мы спорим, загораясь как огонь,
Опасности таятся в наших спорах,
Как будто мы с ладони на ладонь
Вблизи огня
Пересыпаем порох.

ВОЗРАСТ

Наша разница в возрасте невелика,
Полдесятка не будет годов.
Но во мне ты недаром узрел старика —
Я с тобой согласиться готов.

И жестокость наивной твоей правоты
Я тебе не поставлю в вину,
Потому что действительно старше, чем ты,
На Отечественную войну.

* * *

Наедине с самим собой
Шофер, сидящий за баранкой,
Солдат, склоненный над баландой,
Шахтер, спустившийся в забой...

Когда мы пушки волокли
Позевывающей поземкой,
Команда:
«Разом налегли!..»
Старалась быть не слишком громкой.

С самим собой наедине
Я на лафет ложился телом,
Толкал со всеми наравне
Металл в чехле заиндевелом.

Когда от Ленинграда в бой
Я уходил через предместье,
Наедине с самим собой,
И значило — со всеми вместе.

ПРОВОДЫ

Без слез проводили меня...
Не плакала, не голосила,
Лишь крепче губу закусила
Видавшая виды родня.

Написано так на роду...
Они, как седые легенды,
Стоят в сорок первом году,
Родители-интеллигенты.

Их предки, в эпохе былой,
Из дальнего края нагрянув,
Со связками бомб под полой
Встречали кареты тиранов.

И шли на крутой эшафот,
Оставив полжизни в подполье,—
Недаром в потомках живет
Способность не плакать от боли.

Меня проводили без слез,
Не плакали, не голосили,
Истошно кричал паровоз,
Окутанный клубами пыли.

Неведом наш путь и далек,
Живыми вернуться не чаем,
Сухой получаем паек,
За жизнь и за смерть отвечаем.

Тебя повезли далеко,
Обритая паспех пехота..
Сгущенное пить молоко
Мальчишке совсем неохота.

И он изо всех своих сил,
Нехитрую вспомнив науку,
На банку ножом надавил,
Из тамбура высунул руку.

И вьется, густа и сладка,
Вдоль пульманов пыльных состава
Тягучая нить молока,
Последняя в жизни забава.

Он вспомнит об этом не раз,
Блокадную пайку глотая.
Но это потом, а сейчас
Беспечна душа молодая.

Но это потом, а пока,
Покинув консервное лоно,
Тягучая нить молока
Колблется вдоль эшелона.

Пусть нечем чай подсластить,
Отныне не в сладости сладость,
И вьется молочная нить,
Последняя детская слабость.

Свистит за верстою верста,
В теплушке доиграно действо,
Консервная банка пуста.
Ну вот и окончилось детство.

* * *

Паровозного пара шквалы
Вырываются из-под моста,
Смоляные лоснятся шпалы,
За верстою свистит верста.

Жизнь железной была дорогой,
Версты — годы, а шпалы — дни.
На откосе, в земле пологой,
Возле рельсов похорони.

По какой летел магистрали,
До сих пор не забыть никак.
Буксы тлели и прогорали,
Зубы ныли на сквозняках.

Кое-как заберусь в телятник,
На разъезде куплю молоко,
Подстелю под голову ватник,
Сплю спокойно и глубоко.

А проснусь, потянусь — и вскоре
Полегчает житье-бытье.
В Туапсе начиналось море
И кончалось горе мое.

И солдаты поют на нарах —
Зарыдаешь, того гляди, —

В порыжелых шинелях старых,
С медальонами на груди.

Сшей мне саван из клочьев дыма,
У дороги похорони,
Чтоб всю смерть пролетали мимо
Эшелонов ночных огни.

НОЧЬ II

В землянке, на войне, уютен треск огарка.
На нарах крепко сплю, но чуток сон земной.
Я чувствую — ко мне подходит санитарка
И голову свою склоняет надо мной.

Целует в лоб — и прочь к траншее от порога
Крадется на носках, прерывисто дыша.
Но долго надо мной торжественно и строго
Склоняется ее невинная душа.

И темный этот сон милее жизни яркой,
Не надо мне любви, сжигающей дотла,
Лишь только б ты была той самой
санитаркой,
Которая ко мне в землянке подошла.

Жестокий минет срок — и многое на свете
Придется позабыть по собственной вине,
Но кто поможет мне продлить минуты эти
И этот сон во сне, в землянке, на войне.

КАЛЕНДАРЬ

Покидаю Невскую Дубровку,
Кое-как плетусь по рубежу —
Отхожу на переформировку
И остатки взвода увожу.

Армия моя не уцелела,
Не осталось близких у меня
От артиллерийского обстрела,
От косоприцельного огня.

Перейдем по Охтенскому мосту
И на Охте станем на постой —
Отдирать оконную коросту,
Женскою пленяться красотой.

Охта деревянная разбита,
Растащили Охту на дрова.
Только жизнь, она сильнее быта:
Быта нет, а жизнь еще жива.

Богачов со мной из медсанбата,
Мы в глаза друг другу не глядим —
Слишком борода его шербата,
Слишком взгляд угрюм и нелюдим.

Слишком на лице его усталом
Борозды о многом говорят.
Спиртом неразбавленным и салом
Богачов запасливый богат.

Мы на Верхней Охте квартируем.
Две сестры хозяйствуют в дому,
Самым первым в жизни поцелуем
Памятные сердцу моему.

Помню, помню календарь настольный,
Старый календарь перекидной,
Записи на нем и почерк школьный,
Прежде — школьный, а потом — иной.

Прежде — буквы детские, смешные,
Именины и каникул дни.
Ну, а после — записи иные.
Иначе написаны они.

Помню, помню, как мало-помалу
Голос горя нарастал и креп:
«Умер папа». «Схоронили маму».
«Потеряли карточки на хлеб».

Знак вопроса — иступленно дерзкий.
Росчерк — бесшабашно-удалой.
А потом — рисунок полудетский:
Сердце, пораженное стрелой.

Очерк сердца зыбок и неловок,
А стрела перната и мила —
Даты первых переформировок,
Первых постояльцев имена.

Друг на друга буквы повалились,
Сгрудились недвижно и мертво:
«Поселились. Пили. Веселились».
Вот и все. И больше ничего.



Здесь и я с друзьями в соучастье,—
Наспех фотографии дая,
Переформированные части
Прямо в бой идут с календаря.

Дождь на стеклах искажает лица
Двух сестер, сидящих у окна;
Переформировка длится, длится,
Никогда не кончится она.

Наступаю, отхожу и рушу
Все, что было сделано не так.
Переформировываю душу
Для грядущих маршей и атак.

Вижу вновь, как, в час прощаясь
ранний,
Ничего на память не берем.
Умираю от воспоминаний
Над перекидным календарем.

* * *

О войне ни единого слова
Не сказал, потому что она —
Тот же мир, и едина основа
И природа явлений одна.

Пусть сочтут эти строки изменой
И к моей приплюсуют вине:
Стихотворцы обоймы военной
Не писали стихов о войне.

Всех в обойму военную втисни,
Остриги под гребенку одну!
Мы писали о жизни...

о жизни,
Не делимой на мир и войну.

И особых восторгов не стоим:
Были мины в ничьей полосе
И разведки, которые боем,
Из которых вернулись не все.

В мирной жизни такое же было:
Тот же холод ничейной земли,
По своим артиллерия била,
Из разведки саперы ползли.

МУЗЫКА

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попраля.

Какая музыка
 во всем,
Всем и для всех —
 не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру — быть бы живу...

Солдатам головы кружа,
Трехрядка
 под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну
 струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.
Стенали яростно,
 навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке — инвалид
И Шостакович — в Ленинграде.

МАСТЕРА

Мастера — особая
Поросль. Мастера!
Мастером попробую
Сделаться. Пора!

Стану от усталости
Напиваться в дым.
И до самой старости
Буду молодым.

Вот мой Ряд Серебряный,
Козырек-навес,
Мой ларек, залепленный
Взглядами невест.

Мы такое видели,
Поняли, прошли,—
Пусть молчат любители,
Выжиги, ввали.

Пусть молчат мошенники,
Трутни, сорняки —
Околокожевники,
Возлескорняки.

Да пребудут в целости,
Хмуры и усталы,
Делатели ценности —
Профессионалы.

* * *

Касторкой пахнет!..
Миновал проселок,
Два мотоцикла,
Круто накренься,
На автостраду,
Мимо ржавых елок,
Кидаются, расшвыривая грязь.

Прощай, мое призвание былое —
Ничтожное, прекрасное и злое...
Не знаю сам, к какому рубежу
Я от твоей погони ухожу.

* * *

Обескрылел,
 ослеп
 и обезголосел,—
Мне искусство больше не по плечу.
Жизнь,
 открой мне тайны своих ремесел,—
Быть причастным таинству
 я
 не хочу.

Да будут взоры мои
 чисты и невинны,
А руки
 натружены, тяжелы и грубы.
Я люблю
 черный хлеб,
 деревянные ложки,
 и миски из глины,
И леса под Рязанью,
 где косами косят грибы.

Я жил в их мире милом,
В традициях веков,
И был моим кумиром
Жонглер Ольховиков.

Он внуком был и сыном
Тех, кто сошел давно.
На крупе лошадином
Работал без панно.

Юпитеры немели,
Манеж клубился тьмой.
Из цирка по метели
Мы ехали домой.

Я жил в морозной пыли,
Закутанный в снега.
Меня писать учили
Тулуз-Лотрек, Дега.

Под бревно для наката,
Под Отчизну свою.

Был он тихий и слабый,
Но Москва
 без него
Ничего
 не смогла бы,
Не смогла
 ничего.

ЖЕНЩИНЫ

Впотьмах

семенили

сутуло...

Бескровные лица в пыли...

Земля от войны отдохнула,

И вышли на свет — расцвели.

Вечерние платья скроили,

Панбархат сшивали в края,

Придумали моды и стили,—

У каждой прическа своя.

Свой тон разговора и кожи,—

Но пристальней в лица взгляни:

А вдруг друг на друга похожи

От этого стали они?

Нет, нет, не похожи ни капли

Девчонки в юбчонках тугих,

Одни длинноногие цапли

На коротконогих других.

Неужто же снова над миром

Провоет сирена,

а там

Война роковым нивелиром

Пройдетя по женским чертам?

И в мире опять воцарится

Спасительный ватник-урод?

Война нивелирует лица...

А может быть, наоборот?

И процентов на девяносто
Бескорыстной
была с людьми.

Но презренного нет металла,
И на лад не идут дела.
Голодала и холодала,—
Экономию навела.

Продавцы намекали грубо
На особые времена.
И в конечном итоге —
шуба
Над кроватью водворена.

На дворе — молодое лето,—
Улыбайся, живи, дыши.
Но таится тревога
где-то
В самом дальнем углу души.

Самодержцы, Владыки, Судьи,
Составители схем и смет,
Ради шубы —
проголосуйте.
Ради Стаси
скажите —
нет!

Ради мира
настройте речи
На волну моего стиха,—
Дайте Стасе закутать плечи
В синтетические меха.

* * *

Все приходит слишком поздно,—
И поэтому оно
Так безвкусно, пресно, постно,—
Временем охлаждено.

Слишком поздно — даже слава,
Даже деньги на счету,—
Ибо сердце бьется слабо,
Чуя брэнность и тщету.

А когда-то был безвестен,
Голоден, свободен, честен,
Презирал высокий слог,
Жил, не следуя канонам,—
Ибо все, что суждено нам,
Вовремя приходит, в срок.

* * *

Впервые в жизни собственным умом
Под старость лишь раскинул я немного.
Не осознал себя твореньем бога,
Но душу вдруг прозрел в себе самом.

Я душу наконец прозрел —

и вот

Вдруг ощутил, что плоть моя вместила
В себе неисчислимые светила,
Которыми кишит небесный свод.

Я душу наконец в себе прозрел,
Хотя и без нее на свете белом
Вполне хватало каждодневных дел,
И без нее возни хватало с телом.

* * *

Моя рука давно отвыкла
От круто выгнутых рулей
Стрекочущего мотоцикла
(«Иж»... «Ява»... «Индиан»... «Харлей»...).

Воспоминанья зарифмую,
Чтоб не томиться ими впредь:
Когда последнюю прямую
Я должен был преодолеть,
Когда необходимо было
И, как в Барабинской степи,
В лицо ямщицким ветром било,
С трибуны крикнули:
— Терпи!

Готов терпеть во имя этой
Проникновеннейшей из фраз,
Движеньем дружеским согретой
И в жизни слышанной лишь раз.

НАПУТСТВИЕ

Согласен,
 что поэзия должна
Оружьем быть (и всякое такое).
Согласен,
 что поэзия —
 война,
А не обитель вечного покоя.

Согласен,
 что поэзия не скит,
Не лягушачья заводь, не болотце...
Но за существование бороться
Совсем иным оружием надлежит.

Сбираясь в путь,
 стяни ремень потуже,
Меси прилежно
 бездорожий грязь...
Но, за существование борясь,
Не превращай поэзию
 в оружие.

Она в другом участвует бою...
Спасибо, жизнь,
 что голодно и наго!

Тебя

за благодать, а не за благо
Благодарить в пути не устаю.

Спасибо,

что возможности дала,
Блуждая в элегическом тумане,
Не впутываться в грязные дела
И не бороться за существованье.

РЕБРО

Зачем понадобилось Еве
Срывать запретный этот плод —
Она еще не сознает.
Но грех свершен, и бог во гневе.

Вселился в змея сатана
И женщине внушал упрямо,
Что равной богу стать должна
Подруга кроткого Адама.

А дальше... Боже! Стыд и срам...
В грехе покаяться не смея,
На Еву валит грех Адам,
А та слагает грех на змея.

Я не желаю знать Добро
И Зло, от коих все недуги.
Верни мне, бог, мое ребро,—
Мы обойдемся без подруги.

* * *

Спокойно спал в больших домах в Москве,
Но вдалеке от зданий крупноблочных,
В Литве — была бессонница и две
Собаки для прогулок за полночьных.

По Вильнюсу бродя то здесь, то там,
Два поводка натянутых ременных
Держал в руке — и вывески на стенах
Читал при малом свете по складам.

По Вильнюсу, примерно в тот же час,
Двух собачонок женщина водила.
Бессонницу свою заполнить тщась,
Со мной болтала искренне и мило.

Мы не знакомы с ней по существу,—
Но именно она, уверен в этом,
Навеки осветила мне Литву
Бессонниц наших двуединым светом.

* * *

Льется дождь по березам, по ивам,
Приминает цветы на лугу.
Стало горе мое молчаливым,
Я о нем говорить не могу.

Мне желанья мои непонятны,—
Только к цели приближусь — и вспять,
И уже тороплюсь на попятный,
Чтоб у сердца надежду отнять.

Я с тобою, мой дожидчик, вместе реву,
Над кроватью течет потолок.
Никакому Рублеву и Нестерову
Лик такой и присниться не мог.

Никакому на свете художнику
Так Исуca не нарисовать,
Как осеннему мелкому дождику,
Попадающему на кровать.

* * *

Строим, строим города
Сказочного роста.
А бывал ли ты когда
Человеком просто.

Все долбим, долбим, долбим,
Сваи забиваем.
А бывал ли ты любим
И забываем.

БАЛЕТНАЯ СТУДИЯ

В классах свет беспощаден и резок,
Вижу выступления полуколонн.
Еле слышимым звоном подвесок
Трудный воздух насквозь просквожен.

Но зато пируэт все послушней,
Все воздушней прыжок, все точней.
Кто сравнил это дело с конюшней
Строек кобылиц и коней?

Обижать это дело не надо,
Ибо все-таки именно в нем
Дышит мрамор, воскресла Эллада,
Прометеевым пышет огнем.

Тем огнем, что у Зевса украден
И, наверное, лишь для того
Существу беззащитному даден,
Чтобы мучилось то существо.

Свет бесстрастный, как музыка Листа,
Роковой, нарастающий гул,
Балерин отрешенные лица
С тусклым блеском обтянутых скул.



Г. Маргвелашвили

Верийский спуск в снегу.

Согреемся немного

И потолкуем. Вот кафе «Метро».

О Корбюзье, твое дитя мертво,

Стеклянный домик выглядит убого.

В содружестве железа и стекла

Мы кофе пьем, содвинув два стола.

Курдянка-девочка с отчаяньем во взгляде

Нам по четвертой чашке принесла

И, слушая, таится где-то сзади.

О, на какой загубленной лозе

Возрос коньяк, что стоит восемь гривен?!

Продолжим разговор о Корбюзье:

Ну да, конечно, я консервативен.

Ну да, светло, тепло — и вместе с тем

Душа тоскует о старье и хламе,—

Свет фонаря в любом убогом храме

Куда светлей, чем свет из этих стен.

Вот какова архитектура храма:

Через фонарь в округлом потолке

На человека небо смотрит прямо,

И с небом храм всегда накоротке.

Свет фонаря в пределы храма с неба

Является, как истина сама.

Смотри, как много навалило снега.

Верийский спуск. Зима, зима, зима...

* * *

Как ни мудри и что ни говори,
А возраст мой все круче забирает
И мыслями блажными забавляет —
Что мне вчера минуло тридцать три.

Проснулся в этом возрасте Илья.
Нет, не пророк, а Муромец былинный.
Прервался сон, осмысленный и длинный,—
Мне тридцать три. Пора. Проснусь и я.

Ты слышишь, время! Я тебя люблю —
В гвоем отрезке дважды я родился,—
Буди меня, как Муромца Илью,—
Не распинай за то, что пробудился.

ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ

Чтоб желтый цвет безумного Ван Гога,
Его бессмертный, интенсивный цвет,
Стал музыкой,
Потребовалось много
Холста и краски, сплетен и клевет.

Боясь, что цвет звучит излишне глухо,—
Чтоб доказать Гогену правоту,
Ван Гог отрезал собственное ухо
И кровью прилепил его к холсту.

Цыганка вечно занята гаданьем.
Художник хочет все запечатлеть.
Мы поклялись, что желтый цвет не станем
Разменивать на золото и медь.

Художник в желтом цвете вдохновенья
Искусство с жизнью,
На пределе сил,
Как двух миров разрозненные звенья,
В единое звено объединил.

И музыкою живопись лучится,
От музыки исходит благодать,—
И у искусства
Хочет жизнь учиться,
Чтоб все его ошибки воссоздать.

И снова в желтом цвете неистленном
Художник от холстов на чердаке
Бросается вдогонку за Гогеном,
Сжимая нож в измученной руке.

* * *

Какие-то запахи детства стоят
И не выдыхаются.
Медленный яд
 уклада,
 уютя,
 устоя.
Я знаю — все это пустое,
Все это пропало,
 распалось навзрыд,
А запах не выдохся, запах стоит.

ОТПУСКНИК

Лицо желтее воска,
От голода мертво.
В моих руках авоська
И больше ничего.

И ноги, точно гири,
Не движутся никак.
Кочую по Сибири
В ночных товарняках.

Картошку уминаю
Наперекор врагу.
Блокаду вспоминаю —
Наестся не могу.

Есть озеро лесное,
Зовется Кисегач.
Там нянчился со мною
Уральский военврач.

И, пожалев солдата,
Который слаб и мал,
Мне два продаттестата
На отпуск подписал.

Один паек — сбываю
За чистое белье.
Другой паек — съедаю.
(Привольное житье!)

Пилотка подносилась,
И сапоги не те. •
Борщей маршрутных силос
Играет в животе.

Страшнее страшных пыток
И схваток родовых
Меня гнетет избыток
Познаний путевых.

Трескучим самосадом
Прерывисто дышу.
Году в семидесятом
Об этом напишу.

ЭШЕЛОН

Он водою из котелка
Умывается на откосе,
Ножки скручивает он козы
Филичового табака.

Дым над ним за клубился сизый,
Кольца вьются, столбы стоят,—
Установлено экспертизой,
Что табак этот — сущий яд.

Курит. Щурится. Благодать!
Вспоминает пустое что-то.
С места двигаться неохота.
Как бы, думает, не отстать.

Между тем паровоз все чаще
Выдыхает пары,
и вот
Старый колокол дребезжащий
Отправление подает.

Словно чашки колотят об пол,—
Но не слышит он ничего.
Между тем эшелон потопал,
И уже не догнать его.

Воду Ладоги из шелома
Не испить ему, не испить,
Совершенного не избыть.—
Ах, отстал он от эшелона.

Волховстрой. 41-й год.
За проступки такого рода
Стенка или штрафная рота,—
Меньше Родина не дает.

— В чем же перед войной и миром
Так заведомо виноват
Этот ставший вдруг дезертиром,
Чуть отставший от всех солдат?

— Если так вот поступит каждый,
Мы не выиграем войны,—
И поэтому жизнь отдашь ты
В искупление невинны.

Невинны... Но непоправимо
Ты отстал уже навсегда,
И холодные клочья дыма
Оседают на провода.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

Срок всему. И, скоро ли, не скоро,
Жизнь моя приблизится к концу —
Я уйду к любимому отцу,
Не для разговоров, не для спора.

Он был прав во всем. А я, неправый,
Долго жил после разлуки с ним,
На его позиции тесним
Ходом жизни, грозной и лукавой.

Правде лишь подведомствен святой
Был отец, — лишь правде непосильной.
И от жизни под плитой могильной
Со своей укрылся правотой.

Он твердил мне, что добро — добро,
А не зло, — и суть вопроса в этом.
Ну, а я ему: старо, старо!
Разве смысл иной тебе не ведом?!

Был неправ. Но ошибался честно.
И от расставания за миг
Истины отцовские постиг, —
Но отцу об этом неизвестно.

Если в жизни было что-нибудь,
Если в жизни что-нибудь и было, —
Это окружной железный путь,
Под маршрутами гудящий стыло.

Еду в эшелоне на войну,
Возле самых рельс окоп копаю.
Всей своей неправоты вину,
Так и не осмыслив, искупаю.

Правый бой веду с врагами,

но...

Значит, я хоть что-нибудь да стою,
Если над своей неправотою
Подниматься было мне дано.

Но не доисполню долг тяжелый,
Если за ушедшим по пятам
Кану в землю и останусь там
Горсткой пепла, мудрой и бесполой.

* * *

Дитя прекрасно. Ясно это?
Оно — совсем не то, что мы.
Все мы — из света и из тьмы,
Дитя — из одного лишь света.

Оно, бессмысленно светя,
Как благо, не имеет цели.
Так что не трогайте дитя,
Обожествляйте колыбели.

* * *

Не обладаю правом
 впасть в обиду.
Мой долг... Но я, ей-богу, не в долгу.
По лестнице сбегу. На площадь выйду.
Проталины увижу на снегу.

Тебя не вправе упрекнуть в измене,
По всем счетам я заплатил сполна,—
И праздную свое освобожденье,—
А на снегу — проталины. Весна.

ОТТЕПЕЛЬ

С крестами или без крестов,
Московских сорок сороков
Всю зиму ждали с неба
Хоть горсть сухого снега.
Но таяло и таяло,
Как будто бы Италия.

Не забелели купола,
Им небо снега не дало,
Всю зиму оттепель была.
Зимы в ту зиму не было.

* * *

Зачем, зачем нам обживать
Смешную эту комнатушку —
Такую узкую кровать,
Такую жесткую подушку,
Глаза на правду закрывать,
Безумье называть судьбою?..
Зачем, зачем нам обживать,
Когда не жить, не жить с тобою?..

* * *

Споры, свары, пересуды,
Козни, заговор, комплот.
Страх перед мытьем посуды
Женские сердца гнетет.

Дом велик, велик, велик...
Если ссора вдруг возникнет,
Если кто-нибудь и крикнет,—
Мало кто услышит крик.

А наутро мало кто
Будет знать, что в доме кто-то
Продал беличье манто
И пальто из коверкота.

Не распространится слух
О размолвке близких двух,
Проживающих в квартире
В людном доме,
В трудном мире.

Мир велик, и дом не мал...
Ты не слышал. Ты дремал.

* * *

Твой дом стоит на берегу Москвы —
Реки, не замерзающей на зиму.
Твой дом напоминает пантомиму:
В нем все слова безгласны и мертвы.

В нем даже в дни сомнительных
торжеств
Преобладают мимика и жест.

Гвоздем забита форточка. Оконный
Бумагою заклеен переплет.
В твой дом не носят писем почтальоны,
И он ответов никому не шлет.

Твой дом — в тебе вместился целиком.
Его одни салоном называют,
Его зовут иные кабаком,—
Но те и эти часто в нем бывают.

Ты что ж? Решил салон в себе создать,
И самому себе письмом ответить,
И над ответом горестно рыдать,
И почерка похожестя не заметить?

“
Решил создать салон в себе самом,
Себе ответить самому письмом?!

ЛЮДИ СЕНТЯБРЯ

Мы люди сентября.

Мы опоздали

На взморье Рижское к сезону, в срок.
На нас с деревьев листья опадали,
Наш санаторий под дождями мок.

Мы одиноко по аллеям бродим,
Ведем беседы с ветром и с дождем,
Между собой знакомства не заводим,
Сурово одиночество блюдем.

На нас пижамы не того покроя,
Не тот фасон ботинок и рубаш.
Официантка нам несет второе
С презрительной усмешкой на губах.

Набравшись вдоволь светскости и силы,
Допив до дна крепленое вино,
Артельщики, завмаги, воротилы
Вернулись на Столешников давно.

Французистые шляпки и береты
Под вечер не спешат на randevu,
Соавторы известной оперетты
Проехали на юг через Москву.

О, наши мешковатые костюмы,
Отравленные скепсисом умы!
Для оперетты чересчур угрюмы,
Для драмы слишком нетипичны мы.

Мигает маячок подслеповато —
Невольный соглядатай наших дум.
Уже скамейки пляжные куда-то
Убрали с чисто выскобленных дюн.

И если к небу рай прибит гвоздями,
Наш санаторий, не жалея сил,
Осенними и ржавыми дождями
Сын плотника к земле приколотил.

Нам санаторий мнится сущим раем,
Который к побережью пригвожден.
Мы люди сентября.

Мы отдыхаем.

На Рижском взморье кончился сезон.

* * *

Спит на паперти калека,
А в гостинице уют.
С восемнадцатого века
Не проветривали тут.

Слышу —
Пахнет русской печью,
Не топили печь давно,—
Надо распахнуть окно
В дым вечерний,
На Заречье.

Слышу —
Русской печью пахнет,
На окошке фикус чахнет,—
Надо подойти к окну,—

Чтобы сердце билось чаще,
Чтобы холодок знобящий
Спать бы не дал никому...

Не топили печь с восхода...
Ну и что же, ну и что ж,
Ведь такое время года —
И без печки не помрешь!

Там
Собор в Загорске вечен,
Колокольнями увенчан,
В каждом колоколе — бог.

Нищий,
Рваный и голодный,
Спит на паперти холодной,
Подложив костыль под бок.

Там
В окладах жемчуг крупен,
У монаха лик преступен,
Искажен гримасой рот.

В дымке Троица Святая,
А над ней воронья стая
Раскружилась и орет.

Там чернеют сучья голо
И в часовенке из пола
Бьет лечебная струя.
И над Троицким собором,
Оглашая воздух ором,
Вьется стая воронья.

ПОЧИНКА

Асфальт

для этих улиц непригоден,
Он сверху вниз потек бы, как вода.
Не напасешься обуви. Беда.
И холодом разит из подворотен.

На галереях —

суета и чад,
Скребут хозяйки медную посуду.
Холодные сапожники повсюду
Под бедными навесами стучат.

Крутой подъем к подметкам беспощаден,
Любому ходоку умерит прыть.

Детишки

обувь
разбивают за день,
А взрослые...
Да что тут говорить!..

Сапожник мой,

госмастерских противник,
Прижимист. Экономит материал.
Мы с ним договорились за полтинник,
Но он, как видно, мне не доверял:
— ОБХС ползет из всех лазеек,
И фининспектор
слишком частый гость.—

* * *

Памяти А. Фатьянова

В дом
 с мороза
 входит Леша
В зимнем облаке седом.
Дух переводя с трудом,
На диване курит лежа.

И не видно из-за дыма,
Что способна смерть его
Изменить непоправимо
Облик города всего.

Говорят, что он покинул
И осиротил семью.
Что упал
И опрокинул
Полземли
На грудь свою.

Неужели
 неземная
Одолела немота?!
Без него
 зима —
 иная
И Москва —
 не та, не та...

Видно, люди есть такие,
Что тоска по ним
лютей,
Чем припадки ностальгии
На чужбине у людей.

* * *

Снится, что умираю,
С края по круче иду,
Жажда томит — сгораю,
Закоченел на льду.

Падает с неба копоть,
На пол она летит,
Это опять, должно быть,
Лампа моя коптит.

Копоть кружится тихо,
Все тяжелей, все злей.
Ну-ка, фитиль прикрути-ка
И керосину долей.

Рухну с обрыва в бездну,
К звездам душой рванусь.
Кончусь. Уйду. Исчезну.
Может быть, скоро вернусь.



НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Всего опасней — полузнанья.
Они с историей на «ты»—
И грубо требуют признанья
Своей всецелой правоты.

Они ведут себя как судьи,
Они гудут, как провода.
А на поверку — в них, по сути,
Всего лишь полуправота.

И потому всегда чреватые
Опасностями для людей
Надменные конгломераты
Воинственных полуидей.

* * *

Что-то дует в щели,
Холодно в дому.
Подошли метели
К сердцу моему.
Подошли метели, ●
Сердце замели.
Что-то дует в щели
Холодом земли.
Призрак жизни давней
На закате дня
Сквозь сердечко в ставне
Смотрит на меня.

* * *

Запретный Плод, не сорванный никем,
На землю пал, зарылся в прель глубоко,—
И яблоня стоит, как манекен,
Добра и Зла лишенная до срока.

Но минет срок, и яблоня опять
Запретными плодами отягчится,
О, только бы случайно не сорвать,
Добру и Злу опять не обучиться!

Мы объявили яблоку бойкот,
Вкушать не станем ни в гостях, ни дома.
Пусть искуститель Змий напрасно ждет
И торжествует формула Ньютона.

* * *

В отрезке от шести и до восьми
На этажах будильники звонили;
В подъездах люди хлопали дверьми,
На службу шли. А мертвый спал в могиле.

Мне вспоминалась песенка о том,
Как человек живет на белом свете,
Как он с мороза входит в теплый дом,
А я лежу в пристрелянном кювете.

Воспоминанье двигалось, вился,
Во тьме кромешной и при свете белом,
Между Войной и Миром — грубо, в целом —
Духовную налаживая связь.

НОВЫЙ ВОЗРАСТ

Плясало надменное пламя,
И я, выбиваясь из сил,
Ненужными бредил делами
И лишние вещи носил.

Но ветер-предзимник лютует,
И волос почти поседел,
И возраст
Сурово
Диктует
От лишних избавиться дел.

Насушное видится резче
Глазами разумной жены.
Прощайте, ненужные вещи,—
О, как вы мне были нужны!

Останется нужная только,
Нужнейшая самая часть.
Но жизни заметная долька
От жизни успела отпасть.

БАЛЛАДА ВОЗРАСТА

Вот и назвали наконец
Меня отцом. Вот и назвали...
Какой-то парень на вокзале:
— Подвинься,— говорит,— отец...

Кто я такой? Ни вождь, ни гений...
А вот признал во мне отца —
И сделал это от лица,
Как говорится, поколений.

Достанет ли ума и сил...
Как говорится, все по плану,—
И не обидно,— сыном был,
Теперь отцом, как видно, стану.

Под Новый год вместо льгот,
Не в утешение гордыне,
Я наречен отцом. Отныне
Особый возраст настает.

Я был помилован свинцом,
Но время милости не знает,—
Признает или не признает,
Что я достоин быть отцом?

ПРЕДВОЕННАЯ БАЛЛАДА

Сороковые, роковые...

Д. Самойлов

Летних сумерек истома
У рояля на крыле.
На квартире замнаркома
Вечеринка в полумгле.

Руки слабы, плечи узки,—
Времени бесшумный гон,—
И девятиклассниц блузки,
Пахнувшие утюгом.

Пограничная эпоха,
Шаг от мира до войны,
На «отлично» и на «плохо»
Все экзамены сданы.

Замнаркома нету дома,
Нету дома, как всегда.
Слишком поздно для субботы
Не вернулся он с работы,—
Не вернется никогда.

Вечеринка молодая —
Времени бесшумный лёт.
С временем не совпадая,
Ляля Черная поет.

И цыганский тот анапест
Дышит в души горячо.
Окна звонкие крест-накрест
Не заклеены еще.

* * *

Памяти Семена Гудзенко

Полумужчины, полудети,
На фронт ушедшие из школ...
Да мы и не жили на свете,—
Наш возраст в силу не вошел.

Лишь первую о жизни фразу
Успели занести в тетрадь,—
С войны вернулись мы и сразу
Заторопились умирать.

* * *

Ну, а дальше что? Молчанье. Тайна.
Медсестра лениво прячет шприц.
Четверо солдат — не капитаны,
И комбат — Протасов, а не принц.

И не Эльсинор, а край передний,
Мокрый лог, не рай, а сущий ад.
Знал комбат, что делает последний,
Как в газетах пишется, доклад.

Волокли его на волокуше,
Навалили ватники — озноб.
Говорит. А голос — глуше, глуше,
До глубин души — и глубже, в души,
Как в газетах пишут, — до основ.

Молвит, умирая: или — или;
Долг — стоять, но право — отойти.
Егерей эсэсовцы сменили,
А у нас резерва нет почти.

Слева полк эсэсовский, а справа...
Не договорил...

Навечно смолк...

Есть у человека — долг и право...
Долг и право... долг и право... Долг...

ЗА ЛАДОГОЙ

Владимиру Лифшицу

Снится мне, что машину с водой
У землянки оставил на стуже.
Это дело чревато бедой —
Все равно что испортить оружие.

Гнал машину за Ладогу, в тыл,
На сиденье промерзшем елозил.
Ах ты господи, воду не слил...
Неужели движок разморозил...

Мне комбатом совсем не за так
Эта самая ездка обещана.
Если выбьет заглушку — пустяк,
Хуже — если на корпусе трещина.

По настилу к машине бегу.
Моросянка. Бусит как из сита.
Коченеет мой «газик» в снегу,
А вода, как положено, слита.

Возле печки валюсь досыпать,—
Но, пристроясь к сердечному стуку,
Возникает в землянке опять
Тот же сон,— хорошо, что не в руку.

ИРКУТСК

Оказывается,

плечо

От груза делается шире.

Оказывается,

еще

В Москве — Сибирь, Москва — в Сибири.

Большак неровен. Гать из бревен,

Тайга, глухая, как Бетховен.

В Иркутск — через Иркутск-Второй —

Через мосты над Ангарой.

А позади — Ангарск. Он спрятан

За хвойной завесью ветвей.

Сибирский город без церквей —

Богоотступник — Братску брат он.

Валун прибрежный, камень донный —

Иркутск — вразброс и наобум,

Над Ангарой нагроможденный,

Ну, и для рифмы — Аввакум.

Надежно обжитой тремя

Столетиями кровосмешений,

Куражится Иркутск весенний,

Кривые улицы прямя.

Не зря меня сюда манило,

Притягивало и влекло:

Иркутск в холодное стекло

С твоим прищуром смотрит зло,—

Вот мы и встретились,

Марина...

ОБЗОР

Замри на островке спасенья
В резервной зоне,
Посреди
Проспекта —
И покорно жди,
Когда спадет поток движенья.

Вот мимо запертых ворот,
Всклопоченный и бледный некто,
По левой стороне проспекта,
Как революция идет.

Вот женщина
Увлечена
Ногами длинными своими.
Своих прекрасных ног во имя
Идет по улице она.

ШТРАФ

Мир везде и всюду одинаков,—
Изнывая от его щедрот,
Баранаскайце через Краков
По центральной улице идет.

Все грубы и наглы.

Чем же, кем же

Утешаться к тридцати годам
Баранаскайце, манекенше,
Разъезжающей по городам?

Здесь и там, то в Праге, то в Варшаве,
Все они грубы и наглы.

Но

Баранаскайце вправо, вправо
Тем же отвечать. И пить вино...

И —

В вечерний шелк полуодета,
А точнее — полунагишом —
Краковская гейша, с тенью гетто
На лице красивом и большом,
Голосом поставленным и резким,
Яркой краской увеличив рот,
Перепутав польское с еврейским,
Голубые песенки поет.

Крупная, по-женски обжитая
И вполне здоровая на вид.
О любви и нежности мечтаю,
По ночам тоскует и не спит.

Вот и разрушается здоровье,
Неполадки в теле молодом,—
И струя ветхозаветной крови
Через сердце движется с трудом.

Для чего ей новых мод шедевры,
Синей тушью подведенный взгляд,
Если не выдерживают нервы
И почти без повода шалят.

Лишь одна осталась ей свобода —
Вспоминать свою былую прыть
И, не соблюдая перехода,
Медленно проспект переходить.

Милиционеры, не зевайте,
Поскорей свистки пускайте в ход,—
Переходит Баранускайте
Улицу не там, где переход.

Красные чулки и черный шарф,
Сумочка из кожи крокодила,
Баранускайте платит штраф,
А квиток к витрине прилепила.

Поплевала на него — и шлеп,
Так и припечатала квиточек,
Чтобы отучить, отвадить чтоб
Всех, до приставания охочих.

* * *

В руинах Рим, и над равниной
Клубится дым, как над котлом.
Две крови, слившись воедино,
Текут сквозь время напролом.

Два мятежа пируют в жилах,
Свободой упиваясь всласть,—
И никакая власть не в силах
Утихомирить эту страсть.

Какая в этом кровь повинна,
Какой из них предъявит счет?
Из двух любая половина •
Тебе покоя не дает.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

...И обращается он к милой:
— Люби меня за то, что силой
И красотой не обделен.
Не обделен, не обездолен,
В поступках — тверд, а в чувствах —
волен,
За то, что молод, но умен.

Люби меня за то хотя бы,
За что убогих любят бабы,
Всем сердцем, вопреки уму, —
Люби меня за то хотя бы,
Что некрасивый я и слабый
И не пригодный ни к чему.



Люди, люди мои! Между вами
Пообтерся за сорок с лихвой
Телом всем, и душой, и словами,—
Так что стал не чужой вам, а свой.

Срок положенный отвоевавши,
Пел в неведение на площадях,
На нелепые выходки ваши
Не прогневался в очередях.

Как вы топали по коридорам,
Как подслушивали под дверьми,
Представители мира, в котором
Людам быть не мешало б людьми.

Помню всех — и великих и сирых,—
Всеми вами доволен вполне.
Запах жареной рыбы в квартирах
Отвращенья не вызвал во мне.

Все моря перешел.
И по суше
Набродился.

Дорогами сыт!
И теперь, вызывая удушье,
Комом в горле пространство стоит.

ТБИЛИСИ, ЦЕХ

На склон
из ассирийского района
Выносят гроб с водителем такси.
Сирены воют.
(Господи, спаси!)
И горестно поют и разъяренно.

Дощатый гроб
над склоном чуть креня,
Толпа выходит на тропу крутую.
Нажала на клаксоны шоферня,
Соратнику и другу салютуя.

Кренится над оврагом виадук,
Кренится ноша медленно и тяжко.
Вдову
враскачку
под руки ведут,
Вся в черном,
убивается,
бедняжка.

У каждого шофера в голове
Простая мысль и явная забота:
Вполне возможно,
что моей вдове,
Как мы теперь,
поможет завтра кто-то.

Пусть обеднею.

Разорюсь пускай —

Зато сегодня разделю с вдовою

Все, что имею.

.....

О, не иссякай,

Остаточное братство цеховое.

Лежит мертвец,

тяжел и недвижим,

В костюме полосатом, как 'в пижаме,

И лысые воробушки над ним,

И рыжий воздух выстрижен стрижами.

* * *

В жизни парка наметилась веха,
Та, которую век предрекал:
Ремонтируем комнату смеха,
Выпрямляем поверхность зеркал.

Нам ошибки вскрывать не впервые,
Мы, позорному смеху назло,
Зеркала выпрямляем кривые,
Ставим в рамы прямое стекло.

Пусть не слишком толпа веселится,
Перестанет бессмысленно ржать,—
Современников доблестных лица
Никому не дадим исказить!

УСПЕХ

Что мне сказать о вас...

О вас,

Два разных жизненных успеха?

Скажу, что первый —

Лишь аванс

В счет будущего... Так... Утеха.

Что первый, призрачный, успех —

Дар молодости, дань обычья,—

Успех восторженный у всех

Без исключения и различья.

Второй успех

Приходит в счет

Всего, что сделано когда-то.

Зато уж если он придет,

То навсегда — и дело свято.

Обидно только, что второй

Успех

Не на рассвете раннем

Приходит к людям,

А порой

С непоправимым опозданием.

НАД ДОМОМ

После праздника — затишье,
Но уже,

уже,

уже

Кто-то топает по крыше
На десятом этаже.

После праздничной бодяги
Встать до света — не пустяк.
Вкалывают работяги
На высоких скоростях.

Рождество отпировали —
Управдому исполать.
Хорошо в полуподвале
На фундаменте плясать.

А наутро, по авралу,
Снег бросать с домовых крыш.
После праздника, пожалуй,
На ногах не устоишь.

Крыша старая поката,
Не видна из-подо льда.
Гиря, ломик и лопата —
Все орудия труда.

Богу — богово, а кесарь
Все равно свое возьмет,—
И водопроводный слесарь
С крыши скалывает лед.

Приволок из преисподней
Свой нехитрый реквизит.
После ночи новогодней
Водкой от него разит.

Он с похмелья брови супит,
Водосточную трубу
Гирей бьет, лопатой лупит:
— Сдай с дороги, зашибу!

Снегом жажду утоляя,
Дышит-пышет в рукава,
Молодая, удалая
Не кружится голова.

Потому что он при деле,
И, по молодости лет,
Не томит его похмелье,
И забот особых нет.

Хороши работы эти
Над поверхностью земли,—
Предусмотрены по смете
Сверхурочные рубли.

Хорошо, что этот старый
И усталый талый лед,
Падая на тротуары,
Расшибается вразлет.

* * *

Неровный строй домов сутулых,
Все в мире знающих про всех.
Лебяжий —
 только переулок,
Не улица и не проспект.

Да и не переулок даже,
А так, проулок в сто шагов,—
Без лебедей и берегов —
И все ж воистину Лебяжий.

ЧЕРКЕШЕНКА

Был ресторанный стол на шесть персон
Накрыт небрежно. Отмечали что-то.
Случайный гость за полчаса до счета
Был в качестве седьмого приглашен.

Она смотрела на него с Востока,
Из глубины веков, почти жестоко,
Недоуменно:
«Почему мой муж,
Прославленный джигит, избранник муз,
Такое непомерное вниманье
Оказывает этому вралю,
Который в рестороне о Коране
Болтает,— мол, поэзию люблю?!»

Во всеоружье, при законном муже,
Полна недоуменья:
«Что за вид
У странного пришельца!
Почему же
Прекрасный муж к нему благоволит?»

Затем ли бился Магомет в падучей,
Чтобы теперь какой-нибудь нахал
Святые Суры на удобный случай,
Для красного словца приберегал?

И стоит ли судить такого строго,
Когда не верит это существо,
В тот факт, что нету бога, кроме бога,
И только Магомет — пророк его».

Потом она приподнялась и встала.
Пустынно стало. Обезлюдел зал.
А странный гость остался
И устало
Еще коньяк и кофе заказал.

* * *

Отненавидели и отлюбили,
Сделались тем, чем когда-то мы были,
И пребывали бесчувственно вплоть
До сотворенья из глины, из пыли —
Трогать нельзя ничего на могиле, —
Не исчезает бессмертная плоть.
В землю угрюмо потуплены взгляды.
Падают листья, и Муза поет,
И появляется из-за ограды
Черный, веселый кладбищенский кот.

ВИЛЬНЮС

Вильнюс, Вильнюс, город мой!
Мокрый воздух так целебен,—
Так целителен молебен,
Приглушенный полутьмой.

Поселюсь в тебе тайком
Под фамилией Межіров.
Мне из местных старожилов
Кое-кто уже знаком.

У меня товарищ есть
Из дзукийского крестьянства:
Мужество и постоянство,
Вера, сдержанность и честь.

В чем-то он, должно быть, слаб,
Но узнать, в чем слабость эта,
У литовского поэта
Только женщина смогла б.

Прародительница, мать,
Ева, Ева, божье чадо,
Ты дерзнула познавать
То, чего и знать не надо...

Сыро в Вильнюсе весной,
Летом, осенью, зимой,
Но целебен воздух твой,
Вильнюс, Вильнюс, город мой!

Ему избавиться от хвори
Помог соломенный настил.
Хозяин выздоровел вскоре
И в шумный Киев укатил.

От той соломы на панели
Теперь не сыщешь и следа.
Так люди в старину болели,
Так жили
в давние года.

* * *

Звонки бессмысленного свойства
По праву дружбы и свойства,
Исполненные беспокойства
И суетливости слова

Постигнуть истину не в силе,
Толкуют факты вкривь и вкось,
Толкутся в телефонной жиле,
Просвечивающей насквозь.

А в Подмосковье, с крутосклона
Благовещают рождество
Колокола хмельного звона
Во славу имени его.

И в зимнем сумраке нераннем
Старухи крестятся:— Хвала...—
Минут на сорок с опозданием
Похмельные колокола.

Звони, звонарь, мели, Емеля,
Ты, видно, крепко перебрал.
Над белой звонницей с похмелья
Пошатывается хорал.

Позевывающий поселок
В церковный созывай предел.

Ты опоздал минут на сорок,
Опохмелиться не успел.
Святую воду из колодца
Употребить не премини...

Как погремушка, дом трясется
От телефонной трескотни.

* * *

Вознесена гордыней,
Гордыней-суетой,
Почти до тверди синей
Верхушка башни той.

Но замысел надменный
Недоосуществлен,—
Едва ли эти стены
Достроит Вавилон.

Карающая сила,
Гордыне вопреки,
Работу прекратила,
Смешала языки.

Особый род недуга —
Барьер языковой,
Когда понять друг друга
Нельзя, хоть волком вой.

Ни шифра нет, ни кода,
Ни вспомнить, ни прочесть,
И все-таки какой-то
Веселый выход есть.

Ах, можно быть поэтом,
Не зная языка,
Но говорить об этом
Еще нельзя пока.

* * *

Хорошо, что из окна —
Поле синее без края,
И хозяйка молодая
Молчалива и бледна.
А хозяин зол как черт,
Долей мечен, жизнью терт.
Он работает на МАЗе,
Настилает гать на грязи,
Силы тратит,—
Грязи гатит,
А на сколько его хватит?
Город близко.

А прописка?

* * *

Парк культуры и отдыха имени
Совершенно не помню кого...
В молодом неуверенном инее
Деревянные стенды кино.

Жестким ветром афиши обглоданы,
Возле кассы томительно ждут,
Все билеты действительно проданы,
До начала пятнадцать минут.

Над кино моросьянка осенняя,
В репродукторе хриплый романс.
Весь кошмар моего положения
В том, что это последний сеанс.

* * *

Зима так зима, ну а лето так лето,
Есть люди, которым достаточно э т о,
Которым достаточно лета, зимы,—
К таким несомненно относимся мы.

Но есть на земле и другая порода,
Которой особый присущ интерес,
Которой эмоции всякого рода
Зимю и летом нужны позарез.

* * *

В огромном доме, в городском июле,
Варю картошку в маленькой кастрюле.

Кипит водопроводная вода,—
Июльская картошка молода,—
Один как перст,
Но для меня отверст
Мир
Накануне
Страшного
Суда.

На всех пространствах севера и юга
Превысил нормы лютый зной июля.

Такого не бывало никогда,—
Ах, боже мой, какие холода...

Варю картошку в мире коммунальном,
Равно оригинальном и банальном.

Мудрей не стал,— но дожил до седин.
Не слишком стар,— давным-давно один.

Не слишком стар, давным-давно не молод,
Цепами века недоперемолот.

Пятидесяти от роду годов,
Я жить готов и умереть готов.

* * *

Я начал стареть,
 когда мне исполнилось сорок четыре,
И в молочных кафе
 принимать начинали меня
За одинокого пенсионера,
 всеми
 забытого
 в мире,
Которого бросили дети
 и не признает родня.

Что ж, закон есть закон.
 Впрочем, я признаюсь,
 что сначала,
Когда я входил
 и глазами нашаривал
 освободившийся стол,
Обстоятельство это
 меня глубоко удручало,
Но со временем
 в нем
 я спасенье и выход нашел.

О, как я погружался
 в приглушенное разноголосье
Этих полуподвалов,
 где дух мой
 недужный
 окреп.

Нес гороховый суп
на подрагивающем подносе,
Ложку, вилку и нож
в жирных каплях
и на мокрой тарелочке —
хлеб.

Я любил
эти
панелью дешевой
обитые стены,
Эту очередь в кассу,
подносы
и скудное это меню.
— Блаженны,—
я повторял,—
блаженны,
блаженны,
блаженны...—

Нищенству этого духа
вовеки не изменю.

Пораженье свое,
преждевременное постаренье
Полюбил,
и от орденских планок
на кителях старых следы,
Чтобы тенью войти
в эти слабые, тихие тени,
Без прощальных салютов,
без выстрелов,
без суеты.

* * *

Твои глаза и губы пожалею,—
Разорванную карточку возьму,
Сначала утюгом ее разглажу,
Потом сложу и аккуратно склею,
Приблизжу к свету и пересниму,
И возвращу товарищу пропажу.

Чтоб красовалась на краю стола,
Неотличимо от оригинала.
По сути дела, ты права была,
Что две пропавших жизни доконала.

* * *

А время быстро движется, идет,
Да так, что жить на свете не наскучит.
Я вижу школьный класс — наоборот,
В котором
Стариков
Младенец
Учит.

Где я, со снегом белым на виске,
Движеньем косным, старческим, несмелым,
На белой ученической доске
Ошибку
Исправляю
Черным
Мелом.

* * *

Воскресное воспоминанье
Об утре в Кадашевской бане...

Замоскворецкая зима,
Столица
На исходе нэпа,
Разбогатела задарма,
Но роскошь выглядит нелепо.

Отец,
Уже немолодой,
Парами банными
Объятый,
Впрок запасается водой,
Кидает кипяток в ушаты.

Прохлада разноцветных плит,
И запах кваса и березы
В парной
Под сводами стоит
Еще хмельной,
Уже тверезый.
В поту обильном изразцы,
И на полках блаженной пытки —
Замоскворецкие купцы,
Зажившиеся недобитки.

И отрок
Впитывает впрок,
Сквозь благодарственные стоны,
Замоскворецкий говорок,
Еще водой не разведенный.

* * *

Лебяжий переулок мой.
Почти прямой, чуть-чуть кривой,
Участник перестройки мира,—
Что там за взорванной стеной
Замоскворецкого ампира...

* * *

Плоды унификации — зловещи:
Везде стоят одни и те же вещи,
И —
Кооперативные дома,
Друг с другом тоже схожие весьма,—
И —
Проступает из-под каждой кровли
Икона византийского письма,
Хемингуэй, в трусах, на рыбной ловле.

ПОСЛЕСЛОВЬЕ

Издравле всяк при деле: этот строит.
Тот разрушает — каждому свое.
А наше дело ни гроша не стоит:
Водить пером, записывать — и все.

Пока мы занимались этим делом,
Сорвался мотогонщик со стены
И о манеж ударился всем телом,—
Его минуты были сочтены.

Покамест мы баллады сочиняли
О том, как на стене, по вертикали,
Выводит мотогощица зигзаг,
Она, устав от стрекота и шума,
Родной манеж покинула угрюмо
У публики случайной на глазах.

На тормозах, в слезах, по треку съехав,
Устало отстранилась от успехов
И, утирая слезы рукавом,
От всех, кто так любил ее когда-то,
Укрылась в уцелевшем от Арбата
Одноэтажном доме угловом.

Уединилась в цоколе неярком,
Поклонникам своим и сотоваркам
Отказывая резко в randevу.
От всех, кого любила-ревновала,
Забилась в полутьму полуподвала,
Никак не откликаясь на «ау».

Итак, моя и ваша героиня,
Превозмогая приступы унынья,
По цокольному ходит этажу.
Ну а о том, что происходит с теми,
Кто посвящал баллады этой теме,—
Об этом я ни слова не скажу.

Издревле всяк при деле: этот строит,
А тот под корень рушит, наповал.
Все сказанное мной гроша не стоит,—
В цене лишь то, о чем я умолчал.

* * *

Улетаю по работе
Возле моря зимовать.
Телеграммы о прилете
Больше некому давать.

Это маленькое тело,
Просветленное насквозь,
Отстрадало, отболело,
В пепел переоблеклось.

От последнего недуга
Умирала тяжело,
А насчет бессмертья духа
Я не знаю ничего.

Остаешься в слове сына
Полуграмотном, блатном,—
И болит невыносимо,
Ходит сердце ходуном.

* * *

Как я молод — и страх мне неведом,
Как я зол — и сам черт мне не брат,
Пораженьям своим и победам
В одинаковой степени рад.

В драке бью без промашки под ребра,
Хохочу окровавленным ртом,
Все недобро во мне, все недобро.

...Я опомнюсь, опомнюсь потом.

* * *

Перекинута дорога
Через правое плечо.
Я иду, устал немного —
Или что-нибудь еще.

Набираю нужный номер
Мановением руки.
Две копейки сэкономил,—
Только длинные гудки.

Только длинные гудочки,
Потому что все ушли
По привычке ставить точки
Над десятиричным «и».

Улетаю по работе
Пустяковой, игровой.
В реактивном самолете
Только рев и только вой.

Голова гудит от боли...
Ходит это существо,—
И на свете ничего
Нет прекрасней этой воли.

Ходит это существо
Трын-трава и трали-вали,—
И на свете ничего
Нет прекрасней этой твари.

Далеко живу от дома,
Недалеко от нее.
Над гранитом волнолома
Пены белое рваньё.

Неразгаданного кода
Частый зуммер с маяка,
А на сердце — непогода,
Несвобода, маета.

Непонятно ни черта ведь,
Что тут делать, как тут быть.
Умереть, роман оставить,
Как светящуюся нить.

* * *

Не предначертано заране,
Какой из двух земных путей
Тебе покажется святей,
Определив твое избранье.

Ты можешь властвовать всецело,
А можешь в жертву принести
Всю жизнь — от слова и до дела...

Но нету третьего пути.

* * *

У тебя сегодня — май,
ты в соку, в цветенье, в росте,
если хочешь, принимай
в жизнь распахнутую — в гости.

Потому что я брожу
в час твой радостный и ранний
по такому рубежу,
за которым нет свиданий,

за которым правоты
не добьешься, как ни бейся.
Если хочешь — проводи,
погрусти со мной, посмейся.

* * *

Нехорошо поговорил
С мальчишкой, у которого
Ни разумения, ни сил,
Ни навыка, ни норова.

А он принес мне Пикассо
Какого-то периода...
Поговорил нехорошо —
Без выхода, без вывода.

* * *

Своих учителей умел я радовать,
На муки шел, науки грыз гранит.
Но никогда не понимал, где складывать,
Где вычитанье делать надлежит.

Куда ни поползу, куда ни кинусь,
Один вопрос томит меня опять:
Под знаком плюс или под знаком минус
Все то, что осознал, воспринимать?

* * *

Едва сошел с трамвая —
И вот вокзал опять.
Куда ты — не понять,
Россия кочевая.

Куда на всех парах?
Зачем в твоём вокзале,
Хоть войны миновали,
Спят люди на полах?

Зачем храпят вповал,
Проход забили узкий,
Савеловский вокзал,
Казанский, Белорусский?

В чужие поезда
Ломился, забывая —
Откуда и куда
Россия кочевая...

* * *

Я не могу уйти — но уйду.
Пересекаю ржавую межу,
По ржавым листьям — к снегу молодому.
Я не могу — но уйду из дому.

Через четыре года
Сорок два
Исполнится — и станет голова
Белым-бела, как свет высоких истин...

Мне этот возраст мудрый ненавистен,
Назад хочу — туда, где я, слепой,
Без интереса к истине блуждаю
И на широкой площади
С толпой
Державно и беспомощно рыдаю.

ЭТОТ ЖОКЕЙ

От репортерских облав беспощадных
Прячется этот жокей,
Этот жокей — из крестьян безлошадных —
В Сохо гуляет. О'кэй.

Этот жокей отдыхает неплохо,—
От репортеров на дно
Этот жокей погружается в Сохо,
Тянет сухое вино.

Слышит, как стелется лошадь со стоном
Над предпоследней стеной,
Дышит сигарой в подвале пристойном
Возле рулетки ручной.

Этот жокей — человек из железа —
В этом году фаворит
Летнего лондонского степельчеца,—
Англия

так
говорит.

КАФКА

Контакты прерваны. Разрушены
Коммуникации мои.
Забиты наглухо отдушины —
Соседства нет и нет семьи.

Мир с городами населенными,
Веспасианов Колизей,
Выключенными телефонами
Спасающийся от друзей.

* * *

Во Владимир перееду,
В тихом доме поселюсь,
Не опаздывать к обеду
Напоследок обучусь.

Чтобы ты не огорчалась,
Чтобы ждать не приучалась,
Буду вовремя всегда
Возвращаться отовсюду
И опаздывать не буду
Ни за что и никогда.

Будет на свечу собака
Из полуночного мрака
Лаять в низкое окно.
Спи. На улице темно.

Далеко еще до света,
Не допета песня эта,
Много воска у свечи
Во владимирской ночи.

НОВОСЕЛЬЕ

Дом заселяется людьми,—
Налаживание уюта
Идет в рассрочку за дверьми,
Сверлит и пилит, черт возьми,
А жизнь — всего одна минута.

ПРОДАВЩИЦЫ

От реки, идущей половодьем,
И через дорогу — на подъем —
Миновали площадь, в ГУМ заходим,
За плащами в очередь встаем.

Красоты и мужества образчик
Ищут из незастекленных касс
Тысячи рассеянно смотрящих,
Ни о чем не думающих глаз.

ГУМ свои дареные мимозы
На прилавки выставил — и вот
Целый день за счет одних эмоций,
Не включая разума, живет.

Лес инстинктов. Окликай, аукай,
Эти полудети — ни гугу,
Потому что круговой порукой
Связан ГУМ наперекор врагу.

Скоро выйдет замуж за кого-то
Этот легион полудетей.
Не заретушировано фото
Гибельных инстинктов и страстей.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

Я чувства добрые с эстрады пробуждал...
Евг. Евтушенко

I

Мода в моду входила сначала
На трибунах в спортивных дворцах,
Со спортивных эстрад пробуждала
Чувства добрые в юных сердцах.

Юный зал ликовал очумело,
Не жалея ладоней своих.
Только все это вдруг надоело,
И неясный наметился сдвиг.

Сочинял я стихи старомодно,
Был безвестен и честен, как вдруг
Стало модно все то, что немодно,
И попал я в сомнительный круг.

Все мои допотопные вьюги,
Рифмы типа «войны» и «страны»
Оказались в сомнительном круге
Молодых знатоков старины.

II

Нынче в Дубне, а также в мотеле
Разговоры идут о Монтене.

Мода шествует важно по свету,
Означая, что вовсе исчез
Бескорыстный, живой интерес
К естеству, к первородству, к предмету.

Перед модой простертый лежи
И восстать не пытайся из праха.
Нынче мода пошла на Киж,и,
На иконы, а также на Баха.

Между тем ты любил испокон
Фугу Баха, молчанье икон,
И пристрастья немодные эти,
Эту страсть роковую твою,
Подвели под кривую статью
На каком-то Ученом совете.

Нынче в храме — толпа и галдеж,
Да и сам ты, наверно, товарищ,
Скоро старую страсть отоваришь
И, как минимум, в моду войдешь.

И жила большая сила
В няне маленькой моей.
Двух детей похоронила.
Потеряла двух мужей.

И судить ее не судим,
Что, с землей порвавши связь,
К присоветованным людям
Из деревни подалась.

Может быть, не в этом дело,
Может, в чем-нибудь другом?..
Все, что знала и умела,
Няня делала бегом.

Вот лежит она, не дышит,
Стужей лик покойный пышет,
Не зажег никто свечу.
При последней встрече с няней
Вместо вздохов и стенаний
Стиснул зубы — и молчу.

Не скажу о ней ни слова,
Потому что все слова —
Золотистая полóва,
Яровая половá.

Сами вытащили сани,
Сами лошадь запрягли,
Гроб с холодным телом няни
На кладбище повезли.

Хмур могильщик. Возчик зол.
Маются от скуки оба.
Ковыляют возле гроба,
От сугроба до сугроба
Путь на кладбище тяжел.

Вдруг из ветхого сарая
На данковские снега,
Кувыркаясь и играя,
Выкатились два щенка.

Сразу с лиц слетела скука,
Не осталось ни следа.
— Все же выходила сука,
Да в такие холода...

И возникнул, вроде скрипок,
Неземной какой-то звук.
И подобие улыбок
Лица осветило вдруг...

Ближе к пасхе дождь заладит,
Снег сойдет, земля осядет —
Подмосковный чернозем.
По весенней глине свежей,
По дороге непроезжей
Мы надгробье повезем.

Ну так бей крылом, беда,
По моей веселой жизни,
И на ней
ясней

оттисни
Образ няни — навсегда.

Родина моя, Россия...
Няня, Дуня, Евдокия...

ИГРУШКИ

Множество затейливых игрушек:
Буратин, матрешек и петрушек, —
Не жалея времени и сил,
Мастер легкомысленный придумал,
Души в плоть бунтующую вдунул,
Каждому характер смастерил.

Дергает за ниточку — и сразу
Буратины произносят фразу,
А матрешки пляшут и поют,
Сверхурочно вкальвают, ленятся,
Жрут антабус, друг на дружке женятся
Или же разводятся и пьют.

Мастер! Ты о будущем подумай!
Что тебе труды твои сулят?!
У одной игрушки взгляд угрюмый,
А другая опускает взгляд.

На тебя они влияют плохо,
Выщербили пошлостью твой нож.
Ты когда-то был похож на Блока,
А теперь на Бальмонта похож.

Пахнет миндалем, изменой, драмой;
Главный Буратино — еретик,
Даже у игрушки самой-самой
Дергается веко — нервный тик.



На ручонках у нее экземой
Проступает жизни суета.
Драмой пахнет, миндалям, изменой,
Приближеньем Страшного суда.

Выглядит игрушка эта дико,
Так и тараторит во всю прыть.
Тщетно уповает Афродита
Мастера в продукцию влюбить.

Поклонился бы земным поклоном,
И, ножа сжимая рукоять,
Стал бы он самим Пигмалионом —
На колени не перед кем стать.

ALTER EGO

Мне бы жить

немножечко пониже,—

Но мансарды в нонешнем Париже

Высоко — отдышку наживешь.

А в мосй — вчерашний дым клубится,

И холсты какого-то кубиста

Бурно обсуждает молодежь.

В блюдечке окуроч.

Дым тяжелый,

Старый дым.

Эпоха пепси-колы

Отменила джюс и оранжад.

Нету больше ни семьи, ни школы,—

Стоило ли почву орошать.

Лень

приборку делать, постирушку,

Разную и всякую нуду,—

Заведу смышленную игрушку,

Ключиком игрушку заведу.

Жизнь чужую истово корежа,

Позвоню

(своя не дорога):

— Поднимайся, заспанная рожа,

Едем в ресторан и на бега.

Временно убью в тебе торговлю —
Сущность постоянную твою,
Поселю под собственную кровлю,
Книгами твой разум разовью.

Бегать по редакциям заставлю
Мимо Муленруж и Нотр-Дам,
Лепет малограмотный исправлю,
Книжечку составлю и издам.

В этой самой разлили-малине,
От тоски чуть-чуть навеселе,
Познакомлю я тебя с Феллини,
Вознесенским, Сартром и Пеле.

И, не сознавая, что калечу,
Пагубным инстинктам угожу,—
Важные контакты обеспечу,
Главные каналы укажу.

На Монмартре проживает идол,
Сверхкумир и супервелзевул.
Юбилея он еще не выдал,
Полувека не перешагнул.

Муторно кумиру, тошно, худо,
Наглотавшись джина и «Камю»,
После многосуточного блуда
Возвращаться в милую семью.

Колотье какое-то в кумире,
Мается мыслитель и пророк,
Чтобы мир царил в семье и в мире,
Одолжу тебя на вечерок.

Чтобы не страдал французский гений,
Будешь ты использован пока
Как амортизатор возвращений
В милую семью из кабака.

В «кадиллаке» сможешь прокатиться,
На ходу вкушая от щедрот,—
Вообще знакомство пригодится
И себя окажет в свой черед.

Если же кумира для острастки
За ориентальность поведут
И продержат до утра в участке,—
Ты сумеешь выгадать и тут.

Позвоню на виллу Сименону,
Сименон ажанам позвонит —
Тары-бары, и тебя без шмону
Выпустят в объятья аонид.

В департамент не пойдет телега,
Ну а если даже и пойдет,—
Для другого я, для alter ego,
Целесообразный поворот.

Даже и телега — не расплата,
Если воплощаются мечты,—
В протоколе комиссариата
Вслед за Сартром напечатан ты.

Ты исполнил миссию святую
По благоустройству бытия.—
За кумиром, через запятую,
Значится фамилия твоя.

На одной руке уже имея
Два разэкзотических кольца,
Ты
уже
идешь,
уже наглея,
Но пока
еще не до конца.

В пику монпарнасским летописцам,
Ты живешь, осуществляя план,
Рыночным, холодным любопытством
К людям, книгам, сплетням и делам.

Кроме любопытства ледяного,
Ничего иного своего,
Впрочем, это для тебя не ново,—
Знаешь сам, что нету ничего.

Ощущаешь сам — и это чувство,
Вожделенью лютому назло,
Долю вносит в околонискусство
И в неподалеку ремесло.

И непереваренного Ницше
В животе приталенном неся,
Ты идешь все выше, то есть ниже,
Ибо можно все, чего нельзя.

Преисполнен гонора и спеси,
Человеком не был,
сразу сверх-
Человеком стал в эпоху пепси,—
Энциклопедистов опроверг.

Ты идешь, способный на любое,—
Только пользой чутко дорожа,
В шляпе настоящего ковбоя,
Выхваченной из-за рубежа.

В разлюли-малине распроклятой,
На Монмартре нашем дорогом,
Будешь ты клиент и завсегда-тай,
Ежели не будешь дураком.

Ты сперва за все меня за это
Будешь очень сильно уважать.
А потом за все меня за это
Будешь от души уничтожать.

Нажимай, снимай поглубже стружку
Со спины того, кто превратил
В жалкую игрушку-побегушку
Твой холодный олимпийский пыл.

Не жалея, выслеживай, аукай,—
Сдвоенными в челюсть и под дых.
Ты рожден тоской моей и скукой,
Самый молодой из молодых.

Я построил дом, но не из бревен,
Я из карт крапленных поперек,
Потому и пред тобой виновен,—
Превратил в игрушку, не сберег.

Ну а ты действительно услышал
Крик души веселой и больной,
И на миг тоску мою утишил,
Сделался игрушкой заводной.

И за эту страшную работу,
Подчистую, господи прости,
Расплатиться я готов по счету
И черту итога провести.
Расписаться под чертой итога
И, передохнув совсем немного,
Новую
 игрушку
 завести.

Новую
 игрушку
 заводную
После передыха завести,—
Чтоб за водкой бегала в пивную
И цветы носила травести.

Пепси-кола не заменит водку,
Потому что водка не вода.
Лень
 в мансарде заменить проводку,—
Скоро загорятся провода.



Высоко в горах Герцеговины
Мелочь принимается в расчет,—
Если утопить стекло кабины,
Грейдерною пылью занесет.

Правая выхватывает фара,
Возле груды пьюков¹ и лопат,
Знак дорожный горного обвала,
Чтоб не угодить под камнепад.

Повороты вывихнуты круто,
Жизнь копейкой пляшет на кону,
Скалы неподвластны стали Круппа,
Люди не подсудны никому.

Но взглядишь внимательней и зорче
В родовые каменные корчи,
В эти схватки гнева и любви,—
Высоко в горах Герцеговины,
Где по склонам катятся лавины,
Чуждого пришельца улови.

Он храпит в пещере перевала,
Никогда его не волновало,
Что о нем в народе говорят.
Высоко забрался этот шустрый
Немудреный отпрыск Заратустры,
Может, серб, а может, и хорват.

¹ Пьюки — кирки.

Что они умеют, эти руки,
И какому служат ремеслу,—
Опрокинуть в пыльной Баня-Луке
Мусорную урну на углу.

Одобряю. Стоящее дело...
Мчалось время, голову сломя,—
И за ним чуть-чуть недоглядела
Связанная с временем семья.

Действует звереныш этот умный,
Но не вопреки и не назло:
Видно, было время ставить урны,
Время опрокидывать пришло.

В Баня-Луке битники босые,
Люты, худощавы и смуглы,
Не как в Штатах и не как в России,
А совсем особые — свои.

Битники не выражены словом
И не истолкованы пока
В Баня-Луке, в городе торговом
Улица прямая широка.

Есть мечети. Но молиться негде.
Отвернулся от страны аллах.
В Баня-Луке, на прямом проспекте
Битники дежурят на углах.

На проспекте битники дежурят,
Брови хмурят, чуингвам жуют,
Сигареты «Филип Моррис» курят,
Фуги Баха про себя поют.

Ночь светла. Погода неплохая.
Засвистит вожак — и там и тут,
Вдоль всего проспекта громокая,
Мусорные урны упадут.

А когда вконец надоедает
У свободы в рабстве пребывать,
Баня-Луку битник покидает,
Чтоб свободным сделаться опять.

Там багрец и охра в листьях палых,
Там рабами Рима в облаках
Выбит путь на выщербленных скалах
И не реставрирован никак.

Там, в пещере мертвого пророка,
Подложив под голову гранит,
В забыты железном, одиноко,
Отпрыск Заратустры возлежит.

Он храпит, худой, длинноволосый,
Бородой обросший, трезвый в дым,
И на эпохальные вопросы
Отвечает храпом молодым.

Молча пей и на судьбу не сетуй
в ресторане подмосковном «Сетунь».
Пей до дна и наливай опять
и не вздумай веки разлеплять.

Только вдруг негаданно-нежданно
в ресторанном зале

слишком рано,
до закрытья минимум за час,
смоклка оглушительная ария
электрогитары экстракласс,
на электростанции авария —
в ресторане «Сетунь» свет погас.

Свет погас — какая благодать
еле слышно через стол шептать.
В темноте

посередине зала
три свечи буфетчица зажгла,
и гитара тихо зазвучала
из неосвященного угла.

Свет погас — какая благодать
чувствовать,

что свет глаза не режет
и струна не исторгает скрежет,
а звучит, как надобно звучать,
не фальшивит ни единой нотой,
свет погас — какое волшебство!
На электростанции
чего-то,

что-то,

почему-то

не того...

Неужели все-таки поломка
будет наконец устранена
и опять невыносимо громко
заскрежешет электроструна?!

Господи! Продли минуты эти,
не отринь от чада благодать,
разреши ему при малом свете
Образ и Подобье осознать.

Низойди и волсю наитя
на цивилизованной Руси
в ресторане «Сетунь» до закрытья
три свечных огарка не гаси.

Привычка,

привычка,

привычка,

И выгод немало к тому же.

А где-то ползет электричка,

Везет подмосковного мужа.

Он тот безымянный, который

Следил в отчужденье за гонкой.

В авоське припас помидоры

Жене, и к тому же законной.

Он подал на станции нищим,

Все шишки собрал по дороге —

Чтоб дуть в самовар голенищем

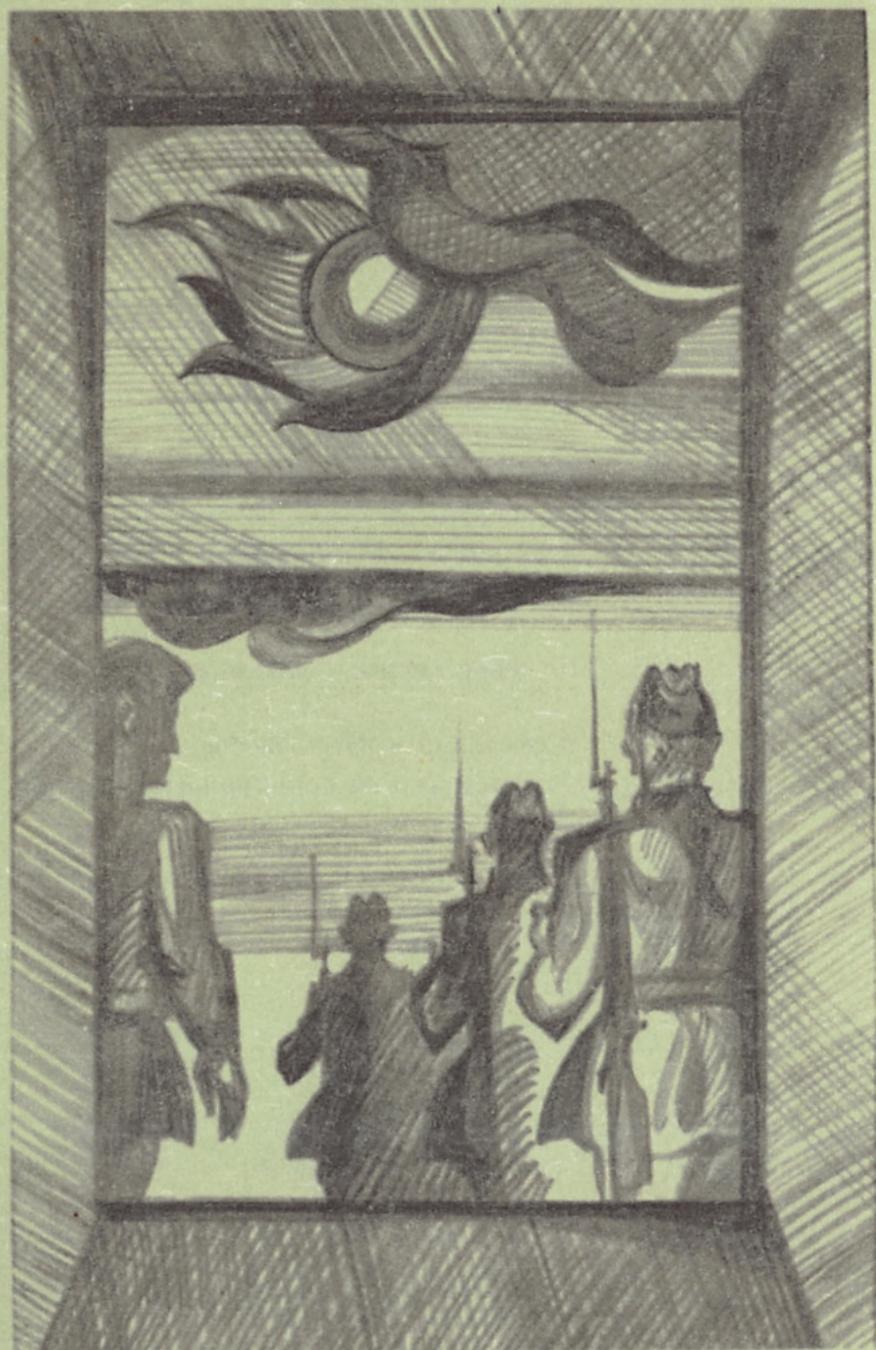
И соду глотать от изжоги.

Он спит. Затекает десница

Под тяжестью наспанной выи.

Стена вертикальная снится,

Рога мотоцикла кривые.



БАЛЛАДА О НЕМЕЦКОЙ ГРУППЕ

Перед войной
На Моховой
Три мальчика в немецкой группе
Прилежно ловят клецки в супе,
И тишина стоит стеной.

Такая тишина зимы!
Периной пуховой укрыты
Все крыши, купола и плиты —
Все третьеримские холмы.

Ах, Анна Людвиговна, немка,
Ты — русская, не иноземка,
Но по-немецки говоришь
Затем, что родилась в Берлине,
Вдали от этих плоских крыш.

Твой дом приземистый, тяжелый,
С утра немецкие глаголы
Звучат в гостиной без конца —
Запинки и скороговорки,
Хрусталь в четырехсветной горке,
Тепло печного изразца,
Из рамы
Взгляд какой-то дамы,
На полотенцах — монограммы
И для салфеток — три кольца.

Обедаем.
На Моховую,
В прямоугольнике окна,
Перину стелет пуховую
Метель,
Как будто тишина
На тишину ложится тихо,
И только немкина щека
От неожиданного тика
Подергивается слегка.

Зачем
Вопросами врасплох
Ты этих мальчиков неволишь?
Да им и надо-то всего лишь
Два слова помнить: Hände hoch!..



Молчат могилы, саркофаги, склепы,—
Из праха сотворенный — прахом стал,—
Все разговоры о душе нелепы,
Но если занесло тебя в Бенгал,
Днем, возопив на крайнем перепутье,
Сырым огнем Бенгалии дыша,
Прозрешь душу вечную в Калькутте,
Которая воистину душа.

В чем виноват, за все меня простили,—
Душа и представлялась мне такой.
Воистину, как сказано в Псалтыри:
Днем вопию, и ночью пред тобой.

* * *

В. Приходько

Две книги у меня.

Одна

«Дорога далека».

Война.

Другую «Ветровым стеклом»
Претенциозно озаглавил
И в ранг добра возвел, прославил
То, что на фронте было злом.

А между ними пустота —

Тщета газетного листа...

«Дорога далека» была
Оплачена страданием плоти,—
Она в дешевом переплете
По кругам пристальным пошла.
Другую выстрадал сполна
Духовно.

В ней опять война.

Плюс полублоковская вьюга.
Подстрочники. Потеря друга.
Позор. Забвенье. Тишина.
Две книги выстраданы мной.
Одна — физически.

Другая —

Тем, чем живу, изнемогая,
Не в силах разорвать с войной.

БАЛЛАДА ПРЕОДОЛЕНИЯ

В землянке стылой, вскакивая с нар,
Я ничего заранее не знал,
Пришел не на готовую идею —
И потому владею только тем,
Чем в совершенстве, как солдат, владею —
Оружьем всех калибров и систем.

Того, что написал, — не переделаю
В пределах треугольного письма,
Не стану исцелять бумагу белую
Пророчествами заднего ума.

И в дневниках военных не исправлю
Ни слова, ни единой запятой
Не переставлю — все как есть оставлю,
Как было в жизни грешной и святой.

О, это ненасытное старание
Всем доказать, что ты еще не стар
Лишь потому, что обо всем заранее
Все знал, в землянке вскакивая с нар.

Над блиндажами, вмерзшими в болото,
Трассирует прерывистая нить,
Себя,

Себя,
Себя,
А не кого-то
Придется за неведение винить.

Чем познавания поздние чреваты —
Бедой или победой над бедой,
Когда в окне — туман солоноватый,
Крутая соль премудрости седой.
И как листвы горячей
Дым осенний,
Горчащий
Привкус
Поздних
Постижений.

.

II. ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ



ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пули, которые посланы мной,
Очереди пулемета не возвращаются из полета,
режут под корень траву.
Я сплю,
положив под голову Синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

Я подымаю веки,
лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
ловлю исчезающий зной.
И когда я
поворачиваюсь
с правого бока на спину,
Синявинские болота
хлюпают подо мной.

А когда я встаю
и делаю шаг в атаку,
Ветер боя летит
и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,

Но, засыпая в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то.
Смежив тяжелые веки,
вижу, как наяву:
Я сплю,
положив под голову
Синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

— Почему не проходит над Ладогой мост?!—

Нам подошвы

невмочь

ото льда

отрывать.

Сумасшедшие мысли

буравят

мозг:

Почему на льду не растет трава?!

Самый страшный путь

из моих путей!

На двадцатой версте

как я мог идти!

Шли навстречу из города

сотни

детей...

Сотни детей!

Замерзали в пути...

Одинокие дети

на взорванном льду —

Эту теплую смерть

распознать не могли они сами

И смотрели на падающую звезду

Непонимающими глазами.

Мне в атаках не надобно слова

«вперед»,

Под каким бы нам

ни бывать огнем —

У меня в зрачках

черный

ладожский

лед,

Ленинградские дети

лежат

на нем.

СТИХИ О МАЛЬЧИКЕ

Мальчик жил на окраине города Колпино.
Фантазер и мечтатель.

Его называли лгунишкой.
Много самых веселых и грустных историй
накоплено

Было им
за рассказом случайным,
за книжкой.

По ночам ему снилось — дорога гремит
и пылится
И за конницей гонится рыжее пламя во ржи.
А наутро выдумывал он небылицы —
Просто так.
И его обвиняли во лжи.

Презирал этот мальчик солдатиков оловянных
И другие веселые игры в войну,
Но окопом казались ему придорожные
котлованы, —
А такая фантазия ставилась тоже в вину.

Мальчик рос и мужал на тревожной, недоброй
планете,
И когда в сорок первом году, зимой,
Был убит он,
в его офицерском планшете
Я нашел небольшое письмо домой.

Над оврагом летели холодные белые тучи
Вдоль последнего смертного рубежа.
Предо мной умирал фантазер невезучий,
На шинель

кучерявую голову положи.

А в письме были те же мальчишечьи небылицы.
Только я улыбнуться не мог...
Угол серой, исписанной плотно страницы
Кровью намок.

...За спиной на ветру полыхающий Колпино,
Горизонт в невеселом косом дыму.
Здесь он жил.

Много разных историй накоплено
Было им. Я поверил ему.

УТРОМ

Ах, шоферша,
пути перепутаны!

Где позиции?
Где санбат?

К ней пристроились на попутную
Из разведки десять ребят...

Только-только с ночной операции,
Боем вымученные все.
— Помоги, шоферша, добраться им
До дивизии,
до шоссе.

Встали в ряд.
Поперек дорога

Перерезана.
— Тормози!

Не смотри, пожалуйста, строго,
Будь любезною, подвези!

Утро майское.
Ветер свежий.

Гнется даль морская дугой,
И с балтийского побережья.
Нажимает ветер тугой.
Из-за Ладоги солнце движется
Придорожные лунки сушить.
Глубоко

в это утро дышится,
Хорошо
в это утро жить.



Человек живет на белом свете.
Где — не знаю. Суть совсем не в том.
Я — лежу в пристрелянном кювете,
Он — с мороза входит в теплый дом.

Человек живет на белом свете,
Он — в квартиру поднялся уже.
Я — лежу в пристрелянном кювете
На перебомбленном рубеже.

Человек живет на белом свете.
Он — в квартире зажигает свет.
Я — лежу в пристрелянном кювете,
Я — вмерзаю в ледяной кювет.

Снег не тает. Губы, щеки, веки
Он засыпал. И велит дрожать...
С думой о далеком человеке
Легче до атаки мне лежать.

А потом подняться, разогнуться,
От кювета тело оторвать,
На ледовом поле не споткнуться
И пойти в атаку —
Воевать.

Я лежу в пристрелянном кювете.
Снег седой щетиной на скуле.
Где-то человек живет на свете —
На моей красавице земле!

Знаю, знаю — распрямлюсь, да встану,
Да чрез гробовую полосу
К вражьему ощеренному стану
Смертную прохладу понесу.

Я лежу в пристрелянном кювете,
Я к земле сквозь тусклый лед приник...
Человек живет на белом свете —
Мой далекий отсвет! Мой двойник!

Щебень

гусеницы

грызут,

И болото сосет следы,

И колеса вразброд скользят.

Я умею спать у руля,

Потому что

упасть

нельзя,

Потому что вокруг

земля.

Добела накалилась ось,

Каждой пядью земля взасос

Тянет вкривь

и бросает вкось

Разболтавшееся колесо.

Кочевряжится путь мой хлюпкий,

На сырой гимнастерке соль,

Перекушен мундштук у трубки.

На стартере натерта мозоль.

Но опять,

опять

и опять —

В нескончаемый

липкий

брод,

За увесистой

пядью

пядь,

За стотысячный

поворот,

Вырывая
 с мясом
 подсосы,
Задыхаясь
 в бензопровод,
Нажимает на все колеса
Грязью
 взмýленный
 броневзвод...

3

Версты
 весят
 тысячи тонн
И давят на обода
 колес,
Поэтому дело
 совсем не в том,
Сколько
 пройдено
 верст.
Иные версты
 не весят грамма:
Они — снежинками на плечах,
Они скользят спокойно и прямо,—
Надо версты
 от верст
 отличать.

Летчики думают, что болтанка
Бывает только в воздушных баталиях,
Но танкистов болтает в танках,
И еще как болтает их!

А о пехоте
 нету и речи,
Пехоте еще не слаще,—

Пехота версты взвалила на плечи
И по дорогам
тащит.

Идет пехота
 путем бессонным,
В будущем веке —
 былинным,
И тащит пехота
 тысячетонные
От Тулы
 и до Берлина.

Тащит и тащит на тощих плечах
Каждую пядь,
 просолив,
А впереди
 плывут и урчат
Корабли,
 корабли,
 корабли.

А впереди
 мы
 за рулями,
При температуре плавления,
Не объезжая
 бугры и ямы,
Ведем за собой наступленье.

Проволоку
 в шестнадцать колов
У нейтральной
 в клочья корежим.
Через надолбы
 напролом —
По дорогам и бездорожью...

Взвод
каленным металлом клеймен
И не нуждается в славословье,
Потому что на шелке гвардейских знамен
Капля
его
незастывшей
крови.

4

Я старожил своего батальона,
Черной,
дорожной воды
пловец,
Знающий каждую пядь
поименно —
На ошупь,
на цвет,
на вес.

Грыз под Урицком
последний и черствый
Сухарь,
которому нет цены,
Видел
блокадные
куцые
версты
На невоспетых
путях
войны.

Вершок отступленья —
версты
длинней,
Пядь — длинней десяти.

.....
Цветет над дорогою свистопляска —
По перепонкам сухой горох.

Я оглох
от усталого лязга,
Я от острого свиста
оглох.

Жесткие листья
секут щеку, —

Я закрываю люк
И в смотровую скупую шелку
Вижу
знакомую колею.

За утренним солнцем
в упорный след

Идет она
по большим дорогам,

По рубежам
наших бегств и побед —

В гусеницу
и в ногу.

А кругом
без конца и без края,

В полнокровной грозе
половодьем бурля,

Вся набухшая,
теплая
и сырая,

Мне доверенная
Земля.

* * *

Стоял над крышей пар,
Всю ночь капель бубнила.
Меня ко сну клонило,
Но я не засыпал. \

А утром развели
Мастику полотеры,
Скрипели коридоры,
Как в бурю корабли...

Натерли в доме пол,
Гостиницей пахнуло,
В дорогу потянуло —
Собрался и пошел.

Опять бубнит капель
В стволе у водостока,
А я уже далёко,
За тридевять земель.

Иду, плыву, лечу
В простор степной и дикий,
От запаха мастики
Избавиться хочу.

МЕДАЛЬОН

...И был мне выдан медальон
пластмассовый,
Его хранить велели на груди,
Сказали:— Из кармана не выбрасывай,
А то... не будем уточнять... иди!

Гудериан гудел под самой Тулою.
От смерти не был я заговорен,
Но все же разминулся с пулей-дурью
И вспомнил как-то раз про медальон.

Мою шинель походы разлохматили,
Прожгли костры пылающих руин.
А в медальоне спрятан адрес матери:
Лебяжий переулок, дом 1.

Я у комбата разрешенье выпросил
И, вдалеке от городов и сел,
Свой медальон в траву густую выбросил
И до Берлина невредим дошел.

И мне приснилось, что мальчишки
смелые,
Играя утром от села вдали,
В яру орехи собирая спелые,
Мой медальон пластмассовый нашли.

Они еще за жизнь свою короткую
Со смертью не встречались наяву
И, странную встревожены находкою,
Присели, опечалясь, на траву.

А я живу и на судьбу не сетую.
Дышу и жизни радуюсь живой,—
Хоть медальон и был моей анкетой,
Но без него я долг исполнил свой.

И, гордо вскинув голову кудрявую,
Помилованный пулями в бою,
Без медальона, с безымянной славою,
Иду по жизни. Плачу и пою.

САРАТОВ

В Саратове
Меня не долечили,
Осколок
Из ноги не извлекли —
В потертую шинельку облачили,
На север в эшелоне повезли.

А у меня
Невынутый осколок
Свербит и ноет в стянутой ступне,
И смотрят люди со щербатых полок —
Никак в теплушку не забраться мне.

Военная Россия
Вся в тумане,
Да зарева бесшумные вдали...
Саратовские хмурые крестьяне
В теплушку мне забраться помогли.

На полустанках
Воду приносили
И теплое парное молоко.
Руками многотрудными России
Я был обласкан просто и легко.

Они своих забот не замечали,
Не докучали жалостями мне,
По сыновьям, наверное, скучали.
А возраст мой
Сыновним был
Вполне.

Они порою выразятся
Круто,
Порою скажут
Нежного нежней,
А громких слов не слышно почему-то,
Хоть та дорога длится тридцать дней.

На нарах вместе с ними я качаюсь,
В телятнике на Ладогу качу,
Ни от кого ничем не отличаюсь
И отличаться вовсе не хочу.

Перед костром
В болотной прорве стыну,
Под разговоры долгие дремлю,
Для гати сухой валю в трясину,
Сухарь делю,
Махоркою дымлю.

Мне б надо биографию дополнить,
В анкету вставить новые слова,
А я хочу допомнить,
Все допомнить,
Покамест жив и память не слаба.

О, этих рук суровое касанье,
Сердца большие, полные любви,
Саратовские хмурые крестьяне,
Товарищи любимые мои!

* * *

Ты не напрасно шла со мною,
Ты, увереньями дразня,
Как притяжение земное,
Воздействовала на меня.

И я вдыхал дымок привала,
Свое тепло с землей деля.
Моей судьбой повелевала
Жестокосердная земля.

Но я добавлю, между прочим,
Что для меня, в рассвете сил,
Была земля — столом рабочим,
Рабочий стол — землею был.

И потерпел я поражение,
Остался вне забот и дел,
Когда земное притяженье
Бессмысленно преодолел.

Но ты опять меня вернула
К земле рабочего стола.
Хочу переводить Катулла,
Чтоб ты читать его могла.

* * *

Все выдумал —
И друга и жену.
Придумал все —
Любовь и даже бога.
Но ты — превыше вымысла любого.
Не смог придумать лишь тебя одну.

Зато сумел все вымыслы прочесть
В глазах оттенка серо-голубого,—
И это выше вымысла любого,—
Люблю тебя такой, какая есть!

* * *

Тишайший снегопад —
Дверьми обидно хлопать.
Посередине дня
В столице как в селе.
Тишайший снегопад,
Закутавшийся в хлопья,
В обувке пуховой
Проходит по земле.

Он формами дворов
На кубы перерезан,
Он конусами встал
На площадных кругах,
Он тучами рожден,
Он пригвожден железом,—
И все-таки он кот
В пуховых сапогах.

Штандарты на древках,
Как паруса при штиле.
Тишайший снегопад
Посередине дня.
И я, противник од,
Пишу в высоком штиле,
И тает первый снег
На сердце у меня.

СОН

Был бой.

И мы устали до потери
Всего, чем обладает человек.

Шутил полковник:

— Сонные тетери...—

И падал от усталости на снег.

А нам и жить не очень-то хотелось,—

В том феврале, четвертого числа,

Мы перевоевали,

Наша смелость,

По правде, лишь усталостью была.

Нам не хотелось жить —

И мы уснули.

Быть может, просто спать хотелось нам.

Мы головы блаженно повернули

В глубоком сне

Навстречу нашим снам.

Мне снился сон.

В его широком русле

Скользил смоленный корпус корабля,

Соленым ветром паруса нагрузли,

Вселяя страх и душу веселя.

Мне снился сон о женщине далекой,

О женщине жестокой,

Как война.

Зовущими глазами с поволокой

Меня вела на палубу она.

И рядом с ней стоял я у штурвала,
А в прибрежных чащах,
Невдали,
Кукушка так усердно куковала,
Чтоб мы со счета сбиться не могли.

И мы летели в прозелень куда-то.
Светало на обоих берегах.
Так спали полумертвые солдаты
От Шлиссельбурга в тысяче шагах.

Ночной костер случайного привала
Уже золой подернулся на треть.
Проснулся я.
Кукушка куковала,
И невозможно было умереть.

* * *

Я хочу сообщить хоть немного простых,
Но тобой позабытых истин,
Смысл которых тебе ненавистен...

Будет холодно в доме от комнат пустых,
И на тысячи прочих домов холостых
Будет наше жилище похоже.
Если стужа — мурашки по коже.
Ну, а если июль, ну, а если жара,
Это значит — по стенам над копотью ламп
Будет тени большие бросать мошкара,
Будет хаос...
А я загоню его в ямб.
Буду счастлив. И пронумерую листы.
Ну, а ты? Ну, а ты? Ну, а ты?

Я умру под колесами жизни своей кочевой,
Голос твой мне почудится перед атакой.
Будут сборы в дорогу, и споры, и пар над Невой,
Будет многое множество всячины всякой.

Сквозняков будет столько же, сколько дверей.
Будет хаос...
А я его втисну в хорей.
Буду счастлив. А ты? Отвечай!
Головой не качай.

Я, конечно, не все досказал...
Будет в семечках потный вокзал.
Кипятильник. Слегка недоваренный чай.
Ожиданья.
Но не будет проклятого слова «прощай»...
Ты меня не прощай!
До свиданья!



Как же мог умолчать я об этом,
Столько слов понапрасну губя,
Если беды мои рикошетом
Прежде всех попадали в тебя.

Повстречавшись впервые с тяжелой,
Ниоткуда пришедшей бедой,
Ты красивой была и веселой,
Ты была молодой-молодой.

Падал я под раскатами боя,
За ошибки платил по счетам,
Все обиды мои за тобою,
Неотступные, шли по пятам.

Каждой раной, царапиной каждой
Искажало родные черты.
В дни, когда изнывал я от жажды,
Изнывала от жажды и ты.

Но у жизни просил я участия
И надеялся из года в год,
Что осколок случайного счастья
Рикошетом в тебя попадет.

Ты кормилась бедой и обидой,
Кровь и пот отирала с чела
И сегодня тому не завидуй,
Кто счастливым казался вчера.

* * *

Любая вещь в квартире — это
Ты.
Вот здесь я жил, в любую мелочь веруя;
Цвели на подоконниках цветы,
В железной клетке пела птица серая.

Мне мелочи покоя не дают;
И я тебе прощал нередко многое,
Когда тобой придуманный уют
Вокруг меня пищал,
За сердце трогая.

Я уйду без шапки от него
Куда глаза глядят, искать спасения.
И прямо в двери сердца моего
Стучится ночь, бездомная, весенняя.

* * *

•

Две стены, окно и дверь,
Стол и табуретка.
В эту комнату теперь
Ты приходишь редко.

И огонь в окне погас,
Плотно дверь закрыта.
Этой комнате сейчас
Не хватает быта.

Видно, бытом ты была,
Жизнью не была ты,
Мы, имея два крыла,
Не были крылаты.

Я забыл, что ты жива,
Мне бы вспомнить хоть слова:
Имя или отчество.
В этом доме нежилом
Бьет единственным крылом
Наше одиночество.

МЕДВЕДЬ

Лапой крушил молодые дубки,
Бор оглушал, рыча.
И были жилы его крепки,
И кровь была горяча.

Ранней весной из берлоги — вон!
Гнилью разит листва.
На ветках звон, и в ушах звон,
И кружится голова.

Зиму наскучило спать да говеть,
Он по натуре не крот, —
Идет, пошатываясь, медведь,
Шерсть о кору трет.

Шел, пошатываясь, медведь,
Все по-новому замечал
И лишь потому, что не мог петь,
Р-р-рычал.

Лет своих никогда не считал,
Товарищей не имел,
О лучшем не думал и не мечтал,
За то, что есть, постоять умел.

Врагов о милости не молил,
Не ведал земной тоски,
Медвежатников наземь валил,
Ломал рогадины на куски.

Но из-за дерева — из-за угла —
Ничтожная пуля его подсекла.
Даже меха не повредила
Дырочка тоненькая, как шило,
Но кровь, на месте застыв, остыла,
И стали дряблыми жилы.

Ему ножом распороли живот
Без всяких переживаний.
Мочили, солили, сушили — и вот
Он стал подстилкою на диване.

На нем целуются, спят и пьют,
О Пастернаке спорят,
Стихи сочиняют, песни поют,
Клопов керосином морят.

В центре Москвы, от лесов вдали,
Лежит он, засыпанный пудрой дешевой.
Как до жизни такой довели
Его, могучего и большого?

Оскалена жалко широкая пасть,
Стеклянные глаза-глядельки.
Посмотришь — и думаешь: страшно попасть
В такую вот переделку.

* * *

Я по утрам ищу твои следы:
Неяркую помаду на окурке,
От мандарина сморщенные шкурки
И полглотка недопитой воды.

И страшно мне, что я тебя забуду,
Что вспоминать не буду никогда.
Твои следы видны везде и всюду,
И только нет в душе моей следа.

ПУТЬ

Вот путь. Намотали его на колеса.
Деревья стоят вдоль него и столбы,
Фанерные звезды, прибитые косо,—
Последние знаки солдатской судьбы.

Вот путь. Всѣ подъемы. Подъемы и спуски.
Развилка. Веха. Мощеный объезд.
А то и проселок, протяжный по-русски,
Как песня, которая не надоест.

Он хлещет наотмашь меня колеями,
К подошвам моим пристаёт,
Бросается под ноги всеми полями
И всеми лесами встает.

* * *

Пусть век мой недолог —
Как надо его проживу.
Быть может, осколок
Меня опрокинет в траву.

Иль пуля шальная
Мой путь оборвет на юру.
Где — точно не знаю,
Но знаю, что так я умру.

В тот час, как умру я,
Лицо мое стягом закройте
И в землю сырую,
И в землю родную заройте.

Закройте лицо мне
Гвардейского стяга огнем,—
Я все еще помню
Дивизии номер на нем.

Он золотом вышит °
На стяге, который в бою
Играет, и дышит,
И радует душу мою.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

В следующем году было много побед.

Э. Хемингуэй

Ты пришла смотреть на меня.
А такого нету в помине.
Не от вражеского огня
Он погиб. Не на нашей mine
Подорвался. А просто так.
Не за звонкой чеканки песню,
Не в размахе лихих атак
Он погиб. И уже не воскреснет.

Вот по берегу я иду.
В небе пасмурном, невысоком
Десять туч. Утопают в пруду,
Наливаясь тяжелым соком,
Сотни лилий. Краснó. Закат.
Вот мужчина стоит без движенья
Или мальчик. Он из блокад,
Из окопов, из окружений.

Ты пришла на него смотреть.
А такого нету в помине.
Не от пули он принял смерть,
Не от голода, не на mine
Подорвался. А просто так.
Что ему красивые песни
О размахе лихих атак,—
Он от этого не воскреснет.

Он не мертвый. Он не живой.
Не живет на земле. Не видит,
Как плывут над его головой
Десять туч. Он навстречу не выйдет,
Не заметит тебя. И ты
Зря несешь на ладонях пыл.
Зря под гребнем твоим цветы —
Те, которые он любил.

Он от голода умирал.
На подбитом танке сгорал.
Спал в болотной воде. И вот
Он не умер. Но не живет.

Он стоит посредине Века.
Одинешенек на земле.
Можно выстроить на золе
Новый дом. Но не человека.

Он дотла растрочен в бою.
Он не видит, не слышит, как
Тонут лилии и поют
Птицы, скрытые в ивняках.

* * *

Крытый верх у полуторки этой,
Над полуторкой вьется снежок.
Старой песенкой, в юности петой,
Юный голос мне сердце обжег.

Я увидел в кабине солдата,
В тесном кузове — спины солдат,
И машина умчалась куда-то,
Обогнув переулком Арбат.

Поглотила полторатонку
Быстротечной метели струя.
Но хотелось мне крикнуть вдогонку:
— Здравствуй, Армия,— юность моя!

Срок прошел не большой и не малый
С той поры, как вели мы бои.
Поседели твои генералы,
Возмужали солдаты твои.

И стоял я, волнением объятый,
Посредине февральского дня,
Словно юность промчалась куда-то
И окликнула песней меня.

* * *

Дорога, на бугры взлетая,
Раскручивает колею,
То ровная, то вдруг крутая,
Протопанная по былью.

Танцует кузов у трехтонки,
В кабине потолок промят,—
Там в чьи-то душу и печенки
Шофер вколачивает мат.

Блестят знакомые Стожары,
Бежит неяркая земля,
Да этот березняк поджарый,
Да высохшая колея,

Да этот драндулет-калека,
Осей визгливых голоса,
Эх, пропади моя телега
И все четыре колеса...

А ночь в дороге не иная,
Чем сто таких же до нее.
Задумалась, припоминая:
Березы, звезды, воронье.

Да и шоферская работа
Под стать ямщицкому труду —

Распарься до седьмого пота
И околей на холоду.

Все та же, та же, та же, та же
В избенке слезы льет вдова,
И у шоферской песни даже
Почти ямщицкие слова.

* * *

После боя в замершем Берлине,
В тишине почти что гробовой,
Подорвался на пехотной мине
Русский пехотинец-рядовой.

Я припомнил все свои походы,
Все мои мытарства на войне,
И впервые за четыре года
Почему-то стало страшно мне.

,



Над Десной опять лоза, лоза.
Над Телячьим островом гроза,
Облака теснятся над Десной.
Родина! Опять в мои глаза
Ты глядишься древней новизной.

Над Невой туман — опять, опять.
Город спит. Мосты разведены.
Но лежит на городе печать
Той же самой древней новизны.

Снова будут грозы, будет снег,
Снова будут слезы, будет смех
Всюду — от Десны и до Десны,
Вечно — от весны и до весны.

Идут дни, дождем и льдом звеня,
Гомоня гудками над страной,
Поезд, уходящий без меня,
Отойдет когда-нибудь со мной.

Сколько на земле земных дорог,
Сколько на земле земных путей,—
Столько на земле земных тревог,
Столько на земле земных страстей.

Вечный пастырь бесконечных стад
Пояснит у смертного одра:
Если люди на земле грустят —
Это потому, что жизнь щедра.

Но когда снарядом над тобой
Разнесет накаты блиндажа,
Ты увидишь купол голубой
И умрешь, тем блеском дорожа.

Снова будут грозы, будет снег,
Снова будут слезы, будет смех
Всюду — от Десны и до Десны,
Вечно — от весны и до весны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Промеж леска вихляют
Вихры одноколейки.
Здесь ты,
Моя красавица,
Сегодня поезд ждешь.
И аккуратный, ровный,
Как будто бы
Из лейки,
На ту одноколейку
Накрапывает дождь.

А пахнет та дороженька
Осинами, березами
И соснами,
Смолистыми
С верхушек до корней,
И черными,
Лохматыми,
Смешными паровозами,
Которые раз в сутки
Пронесются по ней.

А ты, моя красавица,
Стоишь на том разъезде,
А над разъездом тучи
Да ночь темным-темна,
Над тучами разбросаны
Мудреные созвездья,

Под тучами
Дождинки,
Да ты,
Да тишина.

А у того разъезда
Есть махонький базарик,—
Оглобли смотрят в небо,
Сутулятся возы...
Ах, если был бы я бы
Человек-прозаик,
Не петь мне этой песни
И не глотать слезы.

Ну как мне быть, красавица,
Скажи, моя хорошая,—
Ведь я не разучился
Все это замечать.
Бежит одноколейка,
Бежит, леском поросшая.
Грустить или смеяться?
Петь или замолчать?

Так пусть на том разъезде
Незванный я и лишний...
Ложится сонный дождик
На мягкую траву.
Бежит одноколейка,
Растут грибы неслышно,
И в этой благодати
Я на земле живу.

* * *

Каленую осеннюю листву
Влюбленные несут через Москву.

С Казанского вокзала не спеша
Они идут, букетами шурша.

А я живу на дальнем берегу
И от любви по берегу бегу.

Год миновал. И снова я привык
Закладывать листвою свой черновик.

И на мои влюбленные слова
Опять легла каленая листва.

Год на ущербе. Проще говоря,
Четвертая неделя ноября.

За переездом, в пригороде, вал
Осунулся, пожухнул и увял.

Там женщина гуляет. Видишь след,—
Она из листьев сделала браслет.

А ты ее ревнуешь к ноябрю,
Тревожишься: что лучше подарю?

Где золото подобное найду
Тому, что здесь разбросано в саду?

Где серебро отыщется звончей,
Чем этот нержавеющий ручей?

(Наверное, боишься, что она
От увяданья не защищена.)

Все прибрано, на выцветшем валу —
Листва к листве и голый ствол к стволу.

Там женщина гуляет молодая,
Петляет по листве, не увядая.

Что мне делать в «стреле»—
В отошедшем от города поезде?
Я ходил по земле,
Как герой по удавшейся повести.

Рельсы воинских лет
День и ночь под бомбежкой гудели.
Мой транзитный билет
Затерялся в четвертом отделе.

Там, где ладожским льдом
Холод намертво вымостил трассу,
Поезд стал. А потом
Нас в колонну построили сразу.

И блокадная мгла
Сразу полк засосала по пояс.
Мчится, мчится «стрела»—
Отошедший от города поезд...

Что мне делать в «стреле»?
Не надумаю, честное слово!
Я качался в седле
В эскадронах комкора Белова.

Много сбитых подков
Наши кони теряли в те годы,
Чтоб во веки веков
Были счастливы все пешеходы.

Воеет ветер во мгле,
Над ступеньками тамбура гулкого...
Что мне делать в «стреле»
В десяти километрах от Пулкова?

СОДЕРЖАНИЕ

1. НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

| | |
|---|----|
| «Весь вечер из окна — до, ре...» | 7 |
| На всякий случай.. | 8 |
| «Все разошлись и вновь пришли...» | 10 |
| Браслет | 11 |
| «Просыпаюсь и курю...» | 12 |
| Гуашь | 13 |
| Баллада о возвращенном имени | 14 |
| Курская дуга | 16 |
| Лестница | 17 |
| «Два профсоюза рикш борьбу ведут...» | 18 |
| Африканский романс | 19 |
| Воспоминание о Флоренции | 21 |
| Дневальный | 23 |
| Частый зуммер | 30 |
| «За то, что мной (наперекор природе)...» | 32 |
| Короткие гудки | 33 |
| «И в жизни и в письмах — роман...» | 34 |
| «Он, казалось, разлуку, насколько возможно, отсро- чил...» | 35 |
| Пожилой поэт | 36 |
| «Начала — и с самого начала...» | 37 |
| «Чьим попеченьем долго жив...» | 38 |
| Зима | 39 |
| «Вспышкой памяти мгновенной...» | 40 |
| «Как благородна седина...» | 41 |
| Прощание с Юшиным | 42 |
| Другу | 46 |
| Через тридцать лет | 47 |
| «Со школьной, так сказать, скамьи...» | 48 |

| | |
|--|----|
| «Умру — придут и разберут...» | 49 |
| Игрок | 50 |
| Два стихотворения | 53 |
| «Нету ничего святей...» | 54 |
| «Говорит себе:— Ну ладно...» | 55 |
| Kali temple | 57 |
| Остров Цлун-Чан | 58 |
| Разлука | 59 |
| «Каждый раз этот город...» | 60 |
| Призвание | 61 |
| «Ко второй половине дороги земной...» | 62 |
| Белая собака | 63 |
| Последний лыжник | 64 |
| «С пятницы свадьбы...» | 66 |
| «Ах, лицедей, какой же ты мастак...» | 68 |
| «Он счастлив был в кругу семьи...» | 69 |
| «Когда за окнами свищет вьюга...» | 70 |
| «Что-то разъяло на стаи лесные...» | 71 |
| Еще два стихотворения | 72 |
| «Мы спим. Еще не рассвело...» | 73 |
| Старинное | 74 |
| «Ташусь на дачную платформу...» | 75 |
| «Вспоминается все чаще...» | 76 |
| «Убывает время...» | 77 |
| «Жизнь ушла, отлетела...» | 79 |
| Из Вольтера | 80 |
| «По дороге из Ганы домой...» | 81 |
| «Они расставались, когда...» | 82 |
| Монолог профессионала | 83 |
| К портрету | 84 |
| Анна, друг мой... | 85 |
| Проза в стихах | 86 |
| «Нет больше верстовых столбов в России...» | 87 |
| Надпись на старой книге | 88 |
| «В Бихаре топят кизяком...» | 89 |
| «Палаццо — это как палатки...» | 90 |

| | |
|--|-----|
| «В предгорьях Альп — автобус, то бишь...» | 92 |
| Благие порывы | 93 |
| «Свиристят в потемках кинескопы...» | 94 |
| Подвалы пятидесятих | 95 |
| «Ребенком будучи, представить я не мог...» | 97 |
| «Где твой Фауст, мудрец и ученый...» | 98 |
| Трое | 99 |
| Мастер | 100 |
| «В предгорьях Альп стоит сырое лето...» | 101 |
| В первом раунде | 102 |
| «Беда. Но дело даже не в беде...» | 104 |
| «Когда беда в твой дом войдет...» | 105 |
| Баллада о цирке | 106 |
| «Да. Ко всему рука человека приложена...» | 113 |
| Отец | 115 |
| «Все длится, не кончается минута...» | 118 |
| Автобус | 119 |
| «Старик тапер в «Дарьяле»...» | 120 |
| «На пыльном базаре вода из колонки...» | 121 |
| «Мы звезды ловили,— я пальцы обжег...» | 122 |
| Грузинский танец с мечами | 123 |
| Горы | 125 |
| На побережье | 126 |
| На полях перевода | 127 |
| «Этот город...» | 128 |
| Песенка Сагурамо | 130 |
| К морю | 131 |
| «Над Курюю город старый...» | 132 |
| А там все так же море бьет... | 133 |
| Ветровое стекло | 135 |
| «Я люблю — и ты права...» | 137 |
| «Арбат — одна из самых узких улиц...» | 138 |
| Бессонница | 140 |
| С войны | 142 |
| Заречье | 144 |
| Десантники | 146 |

| | |
|---|-----|
| Любимая песня | 149 |
| «Нисходит и к нам благодать временами...» | 150 |
| «На заснеженном вокзале...» | 151 |
| «Мы просыпались в сумраке мгlistом...» | 152 |
| Шахматист | 153 |
| «Одиночество гонит меня...» | 154 |
| «Отстраняю прочь орудья пытки...» | 155 |
| «Скоро, скоро зима, зима...» | 156 |
| Спортивная баллада | 157 |
| Два отрывка | 159 |
| Будильник | 161 |
| Прощание с Кармен | 163 |
| Море | 165 |
| Городок | 168 |
| Учитель | 169 |
| «Мне комнаты в привычку обживать...» | 170 |
| «Возле трех вокзалов продавали...» | 171 |
| «Подкова счастья! Что же ты, подкова!..» | 173 |
| «От зноя и от пыли...» | 174 |
| Споры | 176 |
| Возраст | 178 |
| «Наедине с самим собой...» | 179 |
| Проводы | 180 |
| «Паровозного пара шквалы...» | 182 |
| Ночь II | 184 |
| Календарь | 185 |
| «О войне ни единого слова...» | 189 |
| Музыка | 190 |
| Мастера | 191 |
| «Касторкой пахнет!..» | 192 |
| «Обескрылел, ослеп и обезголосел...» | 193 |
| «Москва. Мороз. Россия...» | 194 |
| Защитник Москвы | 196 |
| Женщины | 198 |
| Станислава | 199 |
| «Все приходит слишком поздно...» | 203 |

| | |
|---|-----|
| «Впервые в жизни собственным умом...» | 204 |
| «Моя рука давно отвыкла...» | 205 |
| Напутствие | 206 |
| Ребро | 208 |
| «Спокойно спал в больших домах в Москве...» | 209 |
| «Льетса дождь по березам, по ивам...» | 210 |
| Потолок | 211 |
| «Строим, строим города...» | 213 |
| Балетная студия | 214 |
| «Верийский спуск в снегу...» | 215 |
| «Как ни мудри и что ни говори...» | 216 |
| Желтый цвет | 217 |
| «Какие-то запахи детства стоят...» | 218 |
| Отпускник | 219 |
| Эшелон | 221 |
| Разговор с отцом | 223 |
| «Дитя прекрасно. Ясно это?..» | 225 |
| «Не обладаю правом впасть в обиду...» | 226 |
| Оттепель | 227 |
| «Зачем, зачем нам обживать...» | 228 |
| «Споры, свары, пересуды...» | 229 |
| «Твой дом стоит на берегу Москвы...» | 230 |
| Люди сентября | 231 |
| «Спит на паперти калека...» | 233 |
| Починка | 235 |
| «В дом с мороза входит Леша...» | 237 |
| Закрытый поворот | 239 |
| «Снится, что умираю...» | 240 |
| «Порядок жизни суетно-неистов...» | 242 |
| Надпись на книге | 243 |
| «Что-то дует в щели...» | 244 |
| «Запретный Плод, не сорванный никем...» | 245 |
| «В отрезке от шести и до восьми...» | 246 |
| Новый возраст | 247 |
| Баллада возраста | 248 |
| Предвоенная баллада | 249 |

| | |
|---|-----|
| «Полумужчины, полудети...» | 251 |
| «Ну, а дальше что? Молчанье. Тайна...» | 252 |
| За Ладогой | 253 |
| «Все то, что Гёте петь любовь заставило...» | 254 |
| Иркутск | 255 |
| Обзор | 256 |
| Штраф | 257 |
| «В руинах Рим, и над равниной...» | 259 |
| Объяснение в любви | 260 |
| «Люди, люди мои! Между вами...» | 261 |
| Тбилиси. Цех | 262 |
| «В жизни парка наметилась вежа...» | 264 |
| Успех | 265 |
| Над домом | 266 |
| «Неровный строй домов сутулых...» | 268 |
| Черкешенка | 269 |
| «Отненавидели и отлюбили...» | 271 |
| Вильнюс | 272 |
| Чернигов | 273 |
| «Звонки бессмысленного свойства...» | 275 |
| «Вознесена гордыней...» | 277 |
| «Хорошо, что из окна...» | 278 |
| «Парк культуры и отдыха имени...» | 279 |
| «Зима так зима, ну а лето так лето...» | 280 |
| «В огромном доме, в городском июле...» | 281 |
| «Я начал стареть...» | 282 |
| «Твои глаза и губы пожалею...» | 284 |
| «А время быстро движется, идет...» | 285 |
| «Воскресное воспоминанье...» | 286 |
| «Лебежий переулочек мой...» | 287 |
| «Плоды унификации — зловещи...» | 288 |
| Послесловье | 289 |
| «Улетаю по работе...» | 291 |
| «Как я молод — и страх мне неведом...» | 292 |
| «Перекинута дорога...» | 293 |
| «Не предназначено заранее...» | 295 |

| | |
|--|-----|
| «У тебя сегодня — май...» | 296 |
| «Нехорошо поговорил...» | 297 |
| «Своих учителей умел я радовать...» | 298 |
| «Едва сошел с трамвая...» | 299 |
| «Я не могу уйти — но уйду...» | 300 |
| Этот жокей | 301 |
| Кафка | 302 |
| «Во Владимир перееду...» | 303 |
| «Органных стволов разнолесье...» | 304 |
| Новоселье | 305 |
| Продавщицы | 306 |
| Странная история | 307 |
| Серпухов | 309 |
| Игрушки | 312 |
| Alter ego | 315 |
| «Высоко в горах Герцеговины...» | 321 |
| «Жарь, гитара, жарь, гитара, жарко!..» | 324 |
| Аттракцион | 327 |
| В блокаде | 330 |
| Баллада о немецкой группе | 331 |
| «Молчат могилы, саркофаги, склепы...» | 333 |
| «Две книги у меня...» | 334 |
| Баллада преодоления | 335 |

II. ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ

| | |
|---|-----|
| Воспоминание о пехоте | 339 |
| Ладожский лед | 342 |
| Стихи о мальчике | 344 |
| Утром | 346 |
| «Человек живет на белом свете...» | 349 |
| Вес верст (<i>Из поэмы</i>) | 351 |
| «Стоял над крышей пар...» | 359 |
| Медальон | 360 |
| Саратов | 362 |
| «Ты не напрасно шла со мною...» | 364 |

| | |
|---|-----|
| «Все выдумал...» | 365 |
| «Тихайший снегопад...» | 366 |
| Сон | 367 |
| «Я хочу сообщить хоть немного простых...» | 369 |
| «Как же мог умолчать я об этом...» | 371 |
| «Любая вещь в квартире — это...» | 372 |
| «Две стены, окно и дверь...» | 373 |
| Медведь | 374 |
| «Я по утрам ищу твои следы...» | 376 |
| Путь | 377 |
| «Пусть век мой недолог...» | 378 |
| Прощай, оружие! | 379 |
| «Крытый верх у полуторки этой...» | 381 |
| «Дорога, на бугры взлетая...» | 382 |
| «После боя в замершем Берлине...» | 384 |
| «Над Десной опять лоза, лоза...» | 385 |
| Возвращение | 387 |
| «Каленую осеннюю листву...» | 389 |
| «Что мне делать в «стреле»...» | 391 |

**Александр Петрович
Межиров**

ТЫСЯЧА МЕЛОЧЕЙ

Лирика

Редактор *А. Москвитин*
Художник *Н. Абакумов*
Художественный редактор *В. Покатов*
Технический редактор *Г. Бойцова*
Корректор *О. Червякова*

ИБ № 3449

Сдано в набор 02.07.84. Подписано к печати 16.10.84. А 06917. Формат 70×90^{1/32}. Гарнитура литер. Печать офсет. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 14,63. Усл. кр.-отт. 41,63. Уч.-изд. л. 11,54. Тираж 25 000 экз. Заказ 2445. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

123007. Москва, Хорошевское шоссе, 62

Госкомиздат РСФСР

Полиграфическое производственное объединение «Офсет» Управления издательства, полиграфии и книжной торговли Волгоградского облисполкома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6

